

Алексей Атеев

Тьма

«ЭКСМО»

2009

Атеев А. Г.

Тьма / А. Г. Атеев — «Эксмо», 2009

Тьма всегда поселяется в самых укромных, недоступных уголках. Отсюда ей легче плести свои мрачные сети, питаясь невежеством темных людей, их страхами, мелкими душонками... Так случилось и с маленьким уральским городком, где однажды объявился загадочный незнакомец. Придя в церковь, он обвинил настоятеля в отсутствии истинной веры, а в доказательство отправил священника парить под куполом храма. Немногим ранее на глазах у потрясенной толпы он воскресил из мертвых местного забуддыгу-бомжа. И вот уже церковь пустует, незнакомца объявили мессией, его новоиспеченные ученики с жадностью ловят каждое слово пророка. И лучше не вставать у него на пути, ведь некоторые из тех, кто на это отважился, сошли с ума от ужаса, а другие лежат в коме после кошмарной автокатастрофы...

© Атеев А. Г., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

1	5
2	14
3	27
4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алексей Григорьевич Атеев

Тьма

1

...Во время похорон гражданина Картошкина на городском кладбище (старом) имело место следующее происшествие. Перед погребением гроб стоял перед могилой на двух табуретах. В ходе прощания с усопшим мать означенного К. упала на мертвое тело якобы от «неизбывной скорби» (ее собственное выражение). В этот момент усопший зашевелился, а потом, к изумлению присутствующих, приподнялся и сел в гробу. Свидетели показали, что мертвое тело будто бы «оживило»...

Из милицейской сводки происшествий по городу Верхнеоральску

Итак, с чего все началось.

Районный центр Верхнеоральск – крошечный городок, стоящий на самом краю великой степи у отрогов невысоких гор, ничем особо не примечателен. Правда, выглядит он довольно живописно, поскольку за последние сто лет в облике своем почти не изменился. Некогда Верхнеоральск слыл купеческой твердыней и кичился достатком и патриархальными нравами. Народ здесь обитал обстоятельный и неторопливый. Имелось много старообрядцев, преимущественно из местных казаков. Сам же городок возник в эпоху матушки Екатерины как военная крепость, в числе других предназначенная охранять восточные рубежи России от набегов степных кочевников. И действительно, номады не раз и не два осаждали крепостицу, предавали ее разору и огню. Бесчинствовали тут и свои мятежники. Емелька Пугачев в 1774 году захватил крепость, спалил съезжую избу, повесил коменданта и покатился дальше со своим буйным воинством. Коменданта похоронили, съезжую отстроили заново, и жизнь пошла прежним чередом. Нравы потихоньку менялись. Кочевники замирились, Емельку казнили, а Верхнеоральск так и оставался военным поселением. Отправляли сюда на жительство пленных всякого рода и звания, вот хотя бы французов – солдат Великой армии Наполеона, потомки коих и сейчас имеются в городке и окрестных селах. Ссылали кое-кого из декабристов. Обретались в здешних местах и ссыльные поляки, да мало ли кто еще. Во второй половине века девятнадцатого крепость стала городом. Народишко занялся торговлей все с той же Степью; появились мельницы, водочные заводи и пивоварни. Купцы торговали, казачество исправно служило царю и отечеству, а чиновник спешил на службу. Прогресс, пусть и не семимильными шагами, но медленной, основательной поступью достиг и этого медвежьего угла. К концу века появилась женская гимназия, реальное училище, синематограф и даже телефонная станция на двадцать абонентов. Однако грянули великие потрясения, о которых предупреждал реформатор.

Революцию и гражданскую войну Верхнеоральск пережил весьма болезненно. Лавы красных и белых не один раз накатывались на городок. Купечество было частично расстреляно, остальное разбежалось: кто в Харбин, а кто и до Австралии добрался. Но пострадала не только состоятельная часть населения. И простым обывателям весьма крепко досталось. Несмотря на нэп, городок захирел. Достаточно сказать, что к началу коллективизации его население уменьшилось почти вдвое по сравнению с последним довоенным 1913 годом.

Положение, как ни странно, спасло в начале тридцатых строительство неподалеку детища сталинской индустриализации, невиданного по размерам металлургического завода, а при нем и рабочего поселения, именуемого Соцгород. Громадной стройке требовались рабочие руки. Казалось, это обстоятельство должно было и вовсе свести заштатный городишко с лица

земли. Ан, нет! В Верхнеоральске организовали несколько профессиональных учебных заведений, готовивших кадры для строительства. К тому же коллективизация основательно потрянула деревню, заставив часть крестьян сняться с насиженных мест и пополнить ряды городского населения. Как бы там ни было, городок если и не процветал, то уж, во всяком случае, не думал помирать. Он стал административным центром довольно приличного по размерам сельскохозяйственного района. В таком статусе Верхнеоральск благополучно дожил до наших дней. Современных построек в городке почти не имелось, так что он все больше ветшал. Но ветшал живописно, становясь похожим на декорации к какому-нибудь фильму средней руки из дореволюционной уездной жизни.

Стоит также заметить, что Верхнеоральск был известен своей тюрьмой, построенной еще при царизме, а в тридцатые-сороковые годы ставшей политизолятором. Сживали здесь опальные деятели советского государства вроде Каменева, Зиновьева и иже с ними, представители разгромленных оппозиций, бывшие эсеры и анархисты, а после войны даже дальняя родственница Адольфа Гитлера. Если верить легендам, ходившим среди местного населения, то в центре одно время пребывала стрелявшая в Ленина Фанни Каплан.

Скончавшихся в тюремных стенах хоронили в одном из углов старого городского кладбища. Это кладбище являлось еще одной достопримечательностью Верхнеоральска. Обнесенное местами разрушенной невысокой стенкой, сложенной из дикого камня, оно стояло на выезде из города. В принципе, ничего особо выдающегося в сем кладбище не наблюдалось. В любом старинном городке существует нечто подобное, обычно несколько десятков мраморных или гранитных плит с надписями, указывающими, что под сим камнем покоится прах отставного подполковника от артиллерии Лещиц-Грабянки или почетного, потомственного гражданина Хряповолова. На здешних обелисках читались имена казачьих станичных атаманов, немецких пивоваров и купеческих вдов. Возможно, среди имен захороненных на кладбище заключенных верхнеоральского центра имелись достойные того, чтобы на их могилы водили экскурсии, однако вместо памятников им ставили таблички с номерами. Непогода очень скоро смывала номерные ориентиры, и уже сам черт не мог разобрать, где кто лежит. Впрочем, черт, возможно, и безо всяких указующих надписей располагал информацией на этот счет.

Однако местное население, во всяком случае часть его, занимал вопрос не столько о том, кто покоится под полуразрушенными обелисками, сколько ЧТО под ними покоится. Среди жителей Верхнеоральска на протяжении многих десятилетий ходили истории о кладах, закопанных на кладбище. Похоже, никто не располагал достоверной информацией на этот счет, однако слухи не затихали. И для этого имелись поводы. Так, например, в один прекрасный день верхнеоральцы столкнулись со следующим феноменом. Могила рабы божьей Антонины Супниковой, упокоившейся с миром в одна тысяча девятьсот восьмом году на пятнадцатом году жизни, оказалась раскопанной неизвестными, но не только костей означенной девицы, но и обломков ее гроба при ближайшем рассмотрении обнаружено не было. Само происшествие и связанные с ним обстоятельства скрупулезно зафиксировал милицейский протокол. Кто и зачем раскопал могилу и куда делись вещественные доказательства, так и осталось неизвестным. Органы попытались разобраться в обстоятельствах и причинах этого события, но расследование проходило очень вяло и, соответственно, зашло в тупик. Ясное дело, решили горожане, искали и, видимо, нашли клад. Но кто – так и осталось загадкой. Однако домыслы и рассказы данный факт только усилил.

На старом верхнеоральском кладбище нынче редко кого хоронили. И не потому, что существовал запрет санстанции. Просто уважающие себя верхнеоральцы считали зазорным погребать прах своих близких там, где по ночам неведомые гробокопатели оскверняют могилки невинных девиц, а днем среди поваленных памятников и покосившихся крестов бродят коровы и козы. Для этой цели существовало новое городское кладбище, относительно

благоустроенное и ухоженное, а старое являлось последним прибежищем всякого рода маргиналов, бомжей и, опять же, умерших заключенных, поскольку верхнеоральская тюрьма продолжала функционировать. Однако в тот ранний июльский вечер похороны проходили именно на старом.

Возле открытой могилы на двух табуретах стоял открытый гроб, обитый дешевой красной тряпичей, а вокруг него и чуть поодаль сгрудился десяток субъектов, чей вид не оставлял сомнений в принадлежности погребаемого к определенной социальной группе, именуемой маргинальной.

Хоронили Толика Картошкина, личность в некотором смысле для Верхнеоральска примечательную. Толику не было еще и сорока, а сгубила его известная русская отрада и напасть – водочка. Пил Картошкин, что называется, по-черному. Однако, кроме алкоголя, у него имелась еще одна страсть – чтение. Казалось бы, как одурманенные зельем мозги могут воспринимать культуру. Но вот, воспринимали! Нужно отметить, Толик не употреблял алкоголь непрерывно, а страдал запоями. Запой продолжался обычно две-три недели и кончался полной прострацией. Тут уже было не до чтения... Молодец только пил и спал. Вернее, пребывал в тяжелом, наполненном кошмарами забытии. Но, так или иначе, он выходил из непотребного состояния. Пару дней Картошкин страдал. Потом потихоньку оживал, поднимался с кровати и, похлебав сваренной матерью «борщевки», брался за книгу. Как гоголевский Петрушка читал он все подряд. Нет, конечно же, до учебника химии Толик не опускался, однако сегодня он мог увлеченно вчитываться в «Приключения Незнайки», а завтра перелистывать Генри Миллера. В городской библиотеке его хорошо знали, очень жалели и всегда в первую очередь выдавали новые поступления.

Вид Картошкин имел самый обычный: рост чуть выше среднего, заметная сутулость, волосы скорее темные, чем светлые, обычно стоявшие дыбом, нос картошкой, вытаращенные, стеклянные (особенно в подпитии) глаза. Обитал он с матерью в собственном ветхом, скособоженном домишке. Поскольку Толик давным-давно нигде не работал, то жил и, соответственно, пил на пенсию матери. Средств на существование, естественно, не хватало, и мать крутилась, как могла. Она развела преизрядный огород, торговала его плодами, собирала, солила и мариновала грибы, разводила домашнюю живность, и даже, потихоньку от сына, собирала пустые бутылки. Своего Толика она любила без памяти, ни разу не упрекнула его, только почти ежедневно ходила в церковь, молилась за здоровье обожаемого чада и ставила Господу свечки за его спасение.

И вот Толик преставился.

Произошло это, конечно же, во время очередного запоя. В этот раз Картошкин выпивал на своем излюбленном месте, в стоявшем посреди городка крошечном, обильно заросшем сиренью и акацией скверике, посреди которого высился облупленный монумент, свидетельствовавший, что под ним покоятся герои-красноармейцы, зверски зарубленные контрразведчиками атамана Дутова в восемнадцатом году. Сюда, несмотря на мемориал, практически не ступала нога обычного человека, и лучшего места для возлияний нельзя было и придумать. Компания, состоявшая из четырех человек, расположилась чуть поодаль от памятника на старей, но еще крепкой скамейке, возле которой вертикально стоял здоровенный чурбан, обрубок могучего тополя, приспособленный пьющим народом в качестве стола. Трое собутыльников, прекрасно знакомые между собой, искоса поглядывали на четвертого, которого в этот день видели в первый раз, и, как всякий посторонний, он внушал им некоторое опасение. Однако именно этот гражданин как раз и спонсировал мероприятие, купив четыре бутылки портвейна «Кавказ», поэтому остальные относились к нему с видимым уважением.

Тут стоит познакомить читателя с собутыльниками. О Толике мы уже рассказывали, а кроме него, присутствовала хорошо известная в Верхнеоральске «сладкая парочка», или «неразлучники» – братья Славка и Валька Сохацкие, здоровенные, лохматые блондины с сон-

ными лицами, похожие друг на друга как две капли воды. Близнецам было чуть за двадцать, они нигде не учились и не работали, целыми днями шатались по городку в поисках выпивки, причем исключительно вместе. Денег у них обычно не водилось, и они зорко высматривали очередную жертву, которой, как они выражались, можно «сесть на хвост». Таковой сегодня стал мужичок неопределенных лет, откликавшийся на имя «Шурик», человек довольно хлипкого сложения, невысокий, худошавый и вдобавок изрядно кривоногий. Шурик выглядел как древний хиппи, поскольку был облачен в потертый джинсовый костюм, да плюс к нему носил на груди на цепочке какую-то почерневшую бляху, то ли древнюю монету, то ли оберег-талисман. Темные, пронизанные сединой сальные волосы сосульками свисали до плеч. Имелась так же жиденькая бороденка, едва прикрывавшая безвольный подбородок, и сочные, пунцово-красные, как у вампира, губы. По лицу хиппи постоянно бродила неопределенная улыбка, но не насмешливая, а скорее отрешенная, словно приклеенная. Именно улыбка настораживала и раздражала Картошкина.

– Чего ты все время скалишься? – спросил Толик со свойственной ему прямоотой, когда выпили по первому стакану.

Близнецы слегка смутились. Они решили, что столь категорический вопрос приведет к ссоре, а это не входило в их планы. Когда Шурик расплачивался за портвейн, близнецы обратили внимание на пару крупных купюр, которые он извлек из кармана джинсовой куртки. Это обстоятельство рождало в душах близнецов заманчивое предвкушение грандиозной попойки.

Однако новый знакомый ничуть не обиделся. Он ласково взглянул на Толика и, в свою очередь, задал вопрос:

– А почему бы и не улыбаться? День-то какой! Солнышко светит, птички поют...

– .. Колокольчики звенят, – продолжил мысль Картошкин, выразительно щелкнув пальцем по пустому стакану. И все радостно засмеялись.

Забулькало вино. Приняли еще по одной. Сладкая истома овладела обществом. Погода действительно сулила блаженство. Нежный ветерок, прорываясь сквозь пыльные заросли, овеивал потные, распаренные лица. Какая-то беспечная птаха, ничуть не опасаясь компании, уселась прямо на край стакана. Шурик протянул руку, и она перелетела к нему на ладонь. Хиппи накрошил в ладонь хлеба, и пернатая тварь стала беспечно клевать даровое угощение.

«Халявщица, прямо как мы», – подумал Толик и вновь разозлился. Почему-то прихиппованный гражданин продолжал вызывать не то чтобы явное раздражение, однако своими ужимками и поведением мешал со всеобъемлющей полнотой предаваться кайфу.

– Вот ты, кто? – неожиданно для себя спросил Картошкин, вновь обращаясь к Шурику.

Близнецы вновь напряглись.

– Человек, – довольно просто прояснил свой статус длинноволосый мальш.

– Это я как раз понимаю, – строго произнес Толик. – Вижу, что не лошадь. А какой человек?

– Самый обычный, – все с той же, по мнению Толика, идиотской улыбкой отвечивал новый знакомец.

– Чего ты, братан, всю дорогу дурку гонишь? – продолжал допрос Картошкин. – Я по делу спрашиваю. А ты – «обычный»... Ясно, что не Марк Аврелий!

Тут ясный взгляд карих глаз Шурика как бы слегка затуманился, словно ему в голову пришла некая отвлеченная мысль, но сию минуту вновь прояснился, и он спросил:

– А допустим, перед тобой именно Марк Аврелий; какой бы ты задал ему вопрос?

– Ну, братан... Ты даешь! Тоже мне! Вопрос... – Толик покопался в памяти. – Ладно. Вот скажи мне Марк, что есть человек?

– Человек есть частица окружающего мира. Его дела и поступки входят в состав коллективной судьбы, – отвечивал хиппи. – Он движется вперед согласно воле Космоса. Хорош он или плох – это ничего не меняет в сложившейся системе мироздания.

– Ага! – с торжеством воскликнул Толик, словно уже сумел подловить длинноволосого. – Значит, если, допустим, я пью, не работаю и являюсь бесполезной для общества личностью, то ничем не хуже какого-нибудь Укропа Помидорыча, имеющего семью, работу и вес в коллективе?

– Отсутствие свободы выбора не значит снятия ответственности. Ведь ты различаешь добро и зло. А то, что ты не можешь встать на путь истинный, не является оправданием. В силах человека отринуть низменные страсти и смотреть на мир, исключив эмоции.

– Ха! Выходит, я плох не по своей воле, но отвечать за это должен все-таки я?

– Ответственность – результат твоего выбора. Если к тебе, например, кто-то относится плохо, то это не может тебе повредить до тех пор, пока ты сам этого не позволишь.

– Туманно! Значит, коли кто-то захочет убить меня, он не сможет этого сделать, пока я сам ему не позволю?

– Где-то так.

– Слышали, ребята?! – обратился Толик к близнецам. – Убивают потому, что жертва сама стремится к смерти. Интересненько получается. Я, например, и в мыслях не поминаю костлявую, а она, оказывается, всегда торчит у меня за спиной. Только и ждет, чтобы рубануть своей косой.

Близнецы бессмысленно захихикали. Философские разговоры их вовсе не занимали. Им хотелось еще выпить.

– Этот факт без стакана не уяснить, – заявил один из близнецов, взял бутылку и наполнил емкости.

– Точно! – подтвердил другой.

– Погодите, Славка и Валька! – недовольно одернул собутыльников Толик. – Чего суетесь поперек батьки! Я еще не договорил. Объясни, пожалуйста, более доступно, – обратился он к Шурику. – Как это так может получиться?

– Да очень просто. Марк Аврелий утверждал: что бы ни случилось с твоим имуществом, или даже с твоим телом, твое истинное «я» остается невредимым до тех пор, пока оно отказывается признать, что ему нанесен ущерб.

– Неужели не понятно? – ехидно спросил тот близнец, которого Толик назвал Славкой. – Истинное «я» за все расплачивается. А есть ли у тебя это самое «я»? А, братан?

Толик не отвечал. Его, видно, очень занимало только что услышанное. Он машинально принял наполненный стакан, выпил и сунул в рот дешевую конфетку. На длинноволосого Шурика почему-то старался не смотреть.

Вскорости «Кавказ» был допит. Компания расслабленно развалилась на траве. Близнецы рассуждали об охоте на кроликов, хиппи, откинувшись навзничь, уставился в голубые небеса, и только Картошкин продолжал сидеть на скамейке, тупо глядя в пространство. Он о чем-то напряженно думал.

– А может, еще? – неожиданно поинтересовался Славка.

Шурик беспрекословно достал из кармана сотню и протянул ему. Близнецы резво вскочили и почти бегом кинулись за новой партией портвейна.

– Значит, говоришь, все predetermined? – не глядя на Шурика, хрипло спросил Картошкин.

– Не я, а Марк Аврелий.

– А как же со свободой?

– Если под свободой понимать выбор меж двух альтернатив, то такой свободы, само собой, не существует. Но у свободы есть и другое назначение: принимать все произошедшее как часть благого миропорядка и отвечать на события разумом, а не эмоциями. Такой человек подлинно свободен, и не только свободен, а и праведен. Разумность Космоса – основа благодати. Все происходящее в нем лишь укрепляет эту благодать. Следовательно, разумная личность,

принимая события, не только отвечает на внешнее благо, но и вносит личный вклад в ценность мирового целого.

– Ты кто, – вновь спросил Толик, – и что ты делаешь в нашем городишке?

Но непонятный Шурик молчал. Он жевал травинку и все с той же отстраненной улыбкой поглядывал в разные стороны, не то ожидая прибытия гонцов, не то просто занятый своими мыслями. Картошкину, которого страшно заинтриговал новый знакомый, захотелось выяснить: только ли в философии стоиков он разбирается, или так же хорошо знает и иные течения, но в эту минуту из кустов с шумом и треском вынырнули близнецы, сжимая в руках бутылки со все тем же «Кавказом», и пикничок продолжился. Однако продлился он недолго. Когда Толику вновь налили, он поднялся со скамьи со стаканом в руке, посмотрел в сторону Шурика, видимо, собираясь произнести спич. Однако речи не получилось. Картошкин внезапно покачнулся, глаза его вылезли из орбит, он издал нечленораздельный то ли выкрик, то ли стон и рухнул на землю.

– Портвейн разлил! – в один голос завопили близнецы. – Кончай придуриваться, вставай!

Но Толик продолжал неподвижно лежать на земле. Глаза его были открыты, рот разинут в беззвучном крике, а тело своей позой напоминало изломанную куклу, брошенную возле песочницы.

– Чего это с ним? – в один голос спросили близнецы у Шурика.

– Умер, – отозвался тот, даже не нагибаясь к телу.

– Умер?! Да как же?! Вот только был живой... Нет, не верим! Просто вырубился на жаре.

– Пульс проверьте.

– Пульс?! А где он этот пульс?

– На запястье. Возьмите его руку...

Оба близнеца склонились над Толиком, взяли его за руки и стали бессмысленно трясти их, словно надеясь возобновить таким образом работу сердца.

– Ничего, – наконец произнес Славка. И Валька подтвердил:

– Ничего.

– Я же говорю, скончался, – все с той же равнодушной улыбкой констатировал Шурик.

– Не может такого быть! – вскочив, завопили близнецы.

Хиппи пожал плечами.

– Я знаю, как узнать, – заявил Славка. Он полез во внутренний карман своего обтрепанного пиджачка, достал оттуда осколок зеркала. – Вот!

– И что? – спросил у брата Валька.

– Смотри сюда. Я поднесу зеркало к его рту. Если оно запотеет – значит, жив.

– Ну, давай...

Однако признаков дыхания не наблюдалось.

– Неужто и вправду?.. Быть того не может... – бормотал Славка, разглядывая незамутненную поверхность. Солнечный зайчик стрельнул близнецу в глаз.

– Нужно «Скорую» вызвать, – внес разумное предложение Валька.

– Какая еще «Скорая». Беги в больничку, тащи сюда доктора.

– Идем вместе.

И близнецы поспешно удалились. Шурик бросил на расprostертое тело последний беглый взгляд и тоже покинул место недавнего гульбища. Если бы в эту минуту в скверик забрел какой-либо досужий господин, ну хотя бы для того, чтобы воздать дань памяти порубленным в девятнадцатом красноармейцам, то он бы узрел следующую картину. На обрубке тополя стояли захватанные стаканы, тут же высились две бутылки, одна полупустая, другая нераспечатанная, а рядом лежало бездыханное тело еще довольно молодого мужчины, облаченного в красную майку с серпом и молотом, синие джинсы и разбитые кроссовки неизвестной фирмы.

На лужайку перед обелиском выпорхнула крупная шоколадного цвета бабочка с крыльями, обведенными белой каймой, немного полетала над вышеописанным натюрмортом, потом бесстрашно уселась на нос трупа и сложила крылышки. В природе царила полная гармония.

Минут через двадцать покой был нарушен появлением все тех же близнецов, а вместе с ними представительной женщины средних лет в белом халате и болтавшимся на шее фонендоскопом. По недовольному лицу женщины катились крупные капли пота.

– Вот он, – Славка указал на тело.

Женщина, отдуваясь, нагнулась, отчего полы халата разошлись и показались розовые трусики, нажала большим пальцем на шею, потом закрыла ладонью один глаз Толика и тут же отвела ее.

– Допился, – заметила она с плохо скрытым презрением.

– Ну, чего с ним? – стараясь сохранять спокойствие, спросил Славка.

– Готов.

Известие о том, что ее ненаглядный Толик преставился, застало его мамашу в огороде, где работающая старушка обирала с картошки колорадского жука. Величали гражданку Картошкину Дарьей Петровной. Роковую весть принесли все те же вездесущие близнецы. Как ни странно, Дарья Петровна сразу же поверила сбивчивым речам вестников смерти. Чего-то подобного она ожидала давным-давно.

– Где он в сей минут? – только и спросила мамаша.

– В морг увезли, – хором отрапортовали близнецы, обрадованные хладнокровием Дарьи Петровны. Они опасались слез, причитаний и тому подобных проявлений скорби.

– Ведите меня туда! – приказала мамаша.

Близнецы попытались взять ее под руки, но она сердито отстранила соболезнующих и, громко топая разбитыми башмаками, зашагала к своему ненаглядному сыночку. Братья находились под изрядным хмельком, но, с учетом серьезности момента, держались на ногах довольно твердо. Встречая по дороге знакомых, малознакомых, да и вовсе посторонних субъектов, близнецы оглашали печальную весть.

Толика знал весь город. Народ выражал сочувствие. Мужчины вздыхали, скорбно поджимали губы и опускали головы, а женщины всплескивали руками и жалобно охали.

Морг, небольшое квадратное зданище, находился на задворках городской больницы. Дарья Петровна уверенно взошла на невысокое крыльцо и проследовала внутрь, а близнецы остались во дворике. Как только мамаша скрылась, Славка извлек на свет бутылку все того же «Кавказа», грязный стакан и, пробормотав: «Помянем», налил сначала брату, а потом выпил сам.

Матушка Толика не появлялась примерно с полчаса, а когда вышла, сообщила братьям, что хоронить сына будет завтра, ближе к вечеру, что его решили не вскрывать, поскольку патологоанатом (или, как она выразилась, «резник») пребывал в отпуске, и что сейчас необходимо заняться подготовкой к погребению, то есть позаботиться о гробе, могиле и отпевании. Упокойтесь новопреставленный должен был на старом кладбище.

Вот наше повествование и вернулось к тому, с чего, собственно, и началось, а именно к развернутой могиле, перед которой стоял гроб с Толиком Картошкиным.

Время приближалось к шести. Нынешний день был жарким, даже душным, но начинающийся вечер принес небольшую прохладу. Солнце скрылось за облаками, повеял слабый ветерок, запахло дождем.

На кладбище царила почти абсолютная тишина. Ее почти не нарушало даже присутствие нескольких людей, пришедших проститься с покойным. Несмотря на многочисленные знакомства и широкую известность, не все бывшие собутыльники решились являться на похороны.

Кто-то, предчувствуя и для себя подобный конец, не пошел из суеверия. Другие, узнав, что поминок, а значит, и случая промочить горло не предвидится, решили помянуть покойного по-своему. Словом, все выглядело скромно, даже убого.

Народ топтался в некотором отдалении от гроба, не зная, как вести себя дальше. У всех имелось только одно желание: поскорее заколотить крышку, закопать гроб, достать принесенные с собой бутылки и закуску и выпить за упокой души раба божьего Анатолия Картошкина.

Среди пришедших проститься стоял и тот самый прихиппованный мужчина в джинсовом костюме, откликавшийся на имя Шурик. Он по-прежнему улыбался. Кроме близнецов, он не был никому знаком, но в данный момент Славка и Валька не обращали на него никакого внимания. Они выступали в качестве распорядителей похорон, и их переполняло чувство ответственности и собственной значимости. Славка держал в руке молоток, а Валька букетик полевых цветов.

– Скажи, тетка Дарья, последнее слово, – обратился Славка к мамаше.

Та вышла вперед, взглянула на посиневшее лицо сына и проглотила застрявший в горле комок.

– Что же тут скажешь, – начала она суровым голосом, в котором, однако, чувствовалась неизбывная тоска. – Ушел из жизни мой Толечка. Не вовремя ушел. Не дожил... – она поперхнулась. – И детишек ему Бог не дал. А может, это и к лучшему. Чего бы хорошего они увидели? А все она – водка проклятая! Да чего теперь говорить... Прощай, дорогой сынок! Спи покойно! – Она перекрестила усопшего и как будто захотела отойти в сторону, но тут отчаяние захлестнуло ее, и Дарья Петровна упала на сына и заголосила. Потом что-то словно оттолкнуло ее от тела. Она медленно поднялась и пальцем поманила Славку и Вальку.

Близнецы подхватили крышку гроба и уже было хотели водрузить ее на место, как вдруг налетевший порыв ветра сорвал с покойника покрывало и погребальный венчик. Потом вихрь винтом закрутился вокруг могилы, бросая в лица присутствующих глиняную пыль и сухие репы. Небо стремительно темнело. Непонятно откуда надвинулись черные, клокастые тучи, которые почти касались земли. В глубине их играло смутное, сиреневое пламя, но грома пока слышно не было.

– Забивай скорее! – крикнул брату Валька.

– Сначала крышку поставь, – отозвался Славка.

– Какую крышку! – запричитала Дарья Петровна. – Наладить все нужно. Венчик-то улетел... Как без венчика?

В это миг из толпы вышел Шурик, положил ладонь правой руки на лоб покойника..

– Ты кто?! Ты чего это?! – закричала Дарья Петровна. – Эй, ребята, кто это?! Чего он такое делает?!

Полыхнув неживым светом, полумрак разрежала ослепительная молния и вонзилась, казалось, в саму могилу. Следом громыхнуло так, что присутствовавшим почудилось – гроб подскочил. Кое-кто инстинктивно присел. Резко и свежо запахло озоном. И тут Славке, стоявшему с молотком по другую сторону гроба, показалось: покойник шевельнул пальцами правой руки. Он открыл рот, вытаращил глаза и уставился на руки Картошкина. Пальцы бывшего покойника продолжали тихонько двигаться.

Вновь из туч брызнул небесный огонь, и началось! Несколько крупных, как плевки, капель шмякнулось на лицо Картошкина, и почти тут же небеса излили такой поток, словно прямо на головы присутствующих опрокинулась водонапорная башня. Большинство провожающих бегом кинулось в город. Два-три предусмотрительных раскрыли запасенные зонтики, но тоже потянулись в сторону домов. Валька поднял на вытянутых руках крышку гроба, пытаясь укрыться под ней, но та клонилась то в одну, то в другую сторону, и он позвал на помощь брата. Но Славка, окаменев, продолжал таращиться на предполагаемого мертвеца. Тот покоился в

домовине, как селедка в селедочнице. Дождевая вода заполнила гроб почти наполовину и, хотя сочилась изо всех щелей, продолжала пребывать.

– Помоги же мне! – что есть мочи заорал Валька.

Только тут Славка вроде бы пришел в себя и оглянулся на брата.

– Крышку возьми!..

Славка, не спуская глаз с Толика Картошкина, выполнил требуемое. Рядом примостилась Дарья Петровна.

– Смотрите, мамаша, что с вашим сыночком-то делается, – обратил ее внимание на странные пертурбации Славка. – На руки поглядите...

И действительно, теперь двигались не только пальцы, но и верхние конечности Картошкина.

– Господи! – только и смогла произнести добрая старушка.

Теперь на кладбище, кроме них троих, да еще странного типа, не осталось ни души. Хиппи стоял поодаль от могилы. Струи дождя низвергались с небес, казалось, именно на него. Жидкие волосешки облепили худощавое лицо, бороденка сбилась в хвостик, с которого тек приличный ручеек.

– Иди сюда, земля, – позвал Валька.

Шурик залез под крышку гроба и теперь вместе с остальными наблюдал за происходящим. А покойник между тем вел себя все более не по-мертвецки. Он завозился, заплюхался, потом попытался подняться. Вначале ему это не удалось, но через несколько минут он сел в гробу. Глаза Толика оставались по-прежнему закрыты.

– Что же это делается?! – завопила Дарья Петровна.

– Что, что... Да ничего, – отозвался более спокойней, чем остальные, воспринявший ситуацию Валька. – Ожил наш Толяныч. Нужно помочь ему выбраться отсюда, а потом домой пойдем. Отмечать это дело.

2

В советские годы многочисленные археографические экспедиции, организованные Сибирским отделением АН, неплохо изучили многочисленные печатные и рукописные древние книги, хранящиеся у сибирских старообрядцев и на протяжении веков служившие им светочем древней веры. Сотни томов пополнили новосибирские книжные хранилища, став источниками ранее неизвестной информации по истории нашей страны. Как пример подобных открытий можно привести найденный в 1968 году рукописный сборник, содержащий наиболее ранние и полные записи о суде над известным ученым шестнадцатого века Максимом Греком. Однако в последнее время к поискам редких книг подключились так называемые «черные археографы», попросту говоря, выменивающие, скупающие, а чаще всего ворующие древние фолианты и перепродающие их на незаконных рынках антиквариата...

Из заметки в газете «Вечерний Новосибирск»

Республика Тыва. Верховья Енисея

В небольшом распадке, скрытом между скалистыми уступами речного берега, под громадной елью на спальных мешках лежали трое молодых людей. Чуть поодаль горел костерок, над которым на треноге висел закопченный чайник. Внизу, на перекатах шумела река. Молодцы, похоже, только что поужинали. Перед ними стояли пустые алюминиевые миски, рядом валялись банки из-под тушенки. Теперь же троица отдыхала. Двое расслабленно курили, третий от нечего делать отламывал от еловой ветки небольшие кусочки и бросал их в огонь.

На первый взгляд ребята представлялись родными братьями. Одеты в ватные штаны, кирзовые сапоги и потрепанные ватники, они походили не то на диких старателей, бродящих по берегам таежных ручьев в поисках золота, не то на охотников-промысловиков. Но для золотоискателей их было слишком мало, а охотничий сезон давно кончился. Стояло начало лета. Над ними вилась мошка, пока еще не очень злая, однако ребята то и дело отмахивались от наиболее наглых ее представителей и хлопали себя по лицу.

– Еще сутки топать, – неожиданно нарушил молчание самый молодой из них, здоровенный русобородый детина. Он бросил окурок в огонь и сплюнул.

– Авось дойдем, – отозвался другой. Этот выглядел постарше. На щеках его чернела трехдневная щетина, темные глаза поблескивали, словно он выпил.

– И чего вы потеряли в этой Конге? – неожиданно спросил русобородый.

– Я же говорил: книги мы ищем... Старые книги. А там, на Конге этой, скиток стоит. А в ските старых книг множество.

– Так они вам и отдали, – хмыкнул русобородый.

– Понятно, что не отдадут, – заметил доселе молчавший третий член компании. – Но мы хотим просто посмотреть.

– Чтобы посмотреть, тащитесь за тысячу верст, – усомнился русобородый.

– Мы – ученые, – веско заметил темноглазый. – На этом и стоим. Летом ходим по тайге, по староверским трущобам... Смотрим, знакомимся с людьми. Записываем рассказы... А зимой анализируем материал, статьи пишем, книги...

– И много ль за это дело платят? – поинтересовался русобородый.

– По-разному, Фрол, по-разному...

– Ну а все-таки? – не отставал любопытный Фрол.

– Тысчонок пять-десять.

– Не больно густо. У нас бабы столь на шишках кедровых выколачивают. Да и то – самые ленивые. А котора пошустрей, дак та и пятнашку вышулушиват, а то и двадцашку. Да и я... – Фрол замолчал, словно что-то обдумывая. – Я дак в ино время на охоте белкую, а сейчас... Сейчас вот с вами проводником топаю. И то лучше, чем груши околачивать. А вот скажи мне, друг Миша, – обратился он к темноглазому, – что в этих книгах такого написано, что вы за ними так носитесь?

– В основном эти книги религиозного содержания... – стал объяснять Миша, но запнулся. – Да ты вот лучше у Ивана спроси. Он – знаток, а я так... Сбоку припека...

Мужчина, которого назвали Иван, зевнул, потом поднялся, подошел к костру и веткой подцепил булькающий чайник. Потом он достал из рюкзака здоровенную чашку из толстого фаянса, расписанную парусными кораблями и коронами, отрезал громадный ломоть черного хлеба, намазал его маслом, сверху водрузил здоровенный кусок копченого мяса, потом бросил в чашку два пакетика чая «Lipton», насыпал на дно четыре ложки сахара и, наконец, налил в нее кипяток. Был он высок, широк в плечах и тоже черноволос, но выглядел совсем иначе, чем Миша. Если в том явственно проглядывали еврейские черты, то Иван был похож скорее на молдаванина или грека.

– Ну ты и здоров жрать, – с насмешливым уважением заметил Фрол, с интересом следивший за его манипуляциями.

– Советую и тебе эдак-то, – подсказал Иван.

– Нет, я наелся. Чайку похлебать можно, а это, – он кивнул на бутерброд, – лишнее.

– Ну, как знаешь.

– Ты лучше про книги расскажи.

– Да чего тут рассказывать. – Иван откусил от бутерброда, зажевал и запил чаем. – Книги эти старые. Большинство попало сюда вместе с первыми поселенцами. Весь здешний народ – староверы. Прибыли в Сибирь лет триста – триста пятьдесят назад. В эти места, конечно, позднее, но не намного. И чтобы молиться по-правильному, привезли с собой книги старопечатные. Удовлетворился объяснением? – И он снова откусил от бутерброда приличный кусок.

– Как понять, старопечатные? – не отставал Фрол.

– Рассказывать долго.

– Ну, так давай. Спешить-то некуда.

– Хорошо, расскажу. Ты про староверов слыхал?

– Про кержаков-то? Само собой. И батька, и матка у меня из них были. Только сгнули рано. На лодке весной через Енисей переправлялись, ну и потопли. Лодку льдиной перевернуло, они под воду ушли, и с концами. Ну, меня в город и определили, в детский дом... А там крестик сняли и надели пионерский галстук. Вот и вся моя религия.

– Понятно. Ну, слушай, если хочешь. Во времена царя Алексея Михайловича церковью управлял патриарх Никон. Сам он был простого рода, из мордвы, но характер имел сильный, вот и дошел до самого верха. Короче, с благословения царя решил он привести церковные книги к единому знаменателю.

– Это как?

– Вера православная происходит из Византии, и церковные книги оттуда. За века переписок, так сказать, «переизданий» в тексты вкралось много разночтений, неточностей, полученных в результате малограмотного перевода с греческого, разного рода «отсебятины» и так далее. Вот Никон и решил сделать все канонические тексты одинаковыми, а заодно привести некоторые элементы церковного обряда к греческому образцу. На первый взгляд это были ничего не значащие изменения, однако они сразу же раскололи тогдашнее общество.

– Какие изменения, например?

– Ну, скажем, креститься предписывалось не двумя пальцами, а тремя. Старое написание имени Сына Божьего Иисус было переделано на греческий лад – Иисус. По-старому, во время крещения и венчания священнику нужно было обходить участников обряда по солнцу, а по-новому, – против солнца.

– И из-за этой канители и произошел раскол?!

– Представь себе! Люди, особенно простого звания, восприняли все эти изменения как введение новой веры. По тем временам это выглядело как вселенская катастрофа.

– Вроде развала СССР, – ввернул Миша.

– Похоже, только намного более впечатляюще. Поборники старой веры бросились в бега. На Белое море, в Заволжье, на Урал. Ну и в Сибирь тоже. Некоторые подались в Польшу, Прибалтику, Австрию...

– Даже в Австрию? – удивился Миша.

– Не в коронные земли, конечно, а на ее границы, скажем, в Буковину, входившую в ту пору в пределы Австро-Венгерской империи. Даже в Турции имелись староверы – «некрасовцы», донские казаки, ушедшие туда после поражения восстания Булавина, во главе со своим атаманом Игнатом Некрасой. Правительство преследовало старообрядцев, а те в знак протеста жгли себя...

– Как жгли? – недоуменно спросил Фрол.

– Самым натуральным образом. Так называемые гари устраивали. Подступят к скиту солдаты, а староверы соберутся в молельне, закроются изнутри и подожгут сами себя. Способ борьбы с Антихристом! Вообще говоря, царские власти прижимали старообрядцев во все времена. Облагали двойной подушной податью; давили, так сказать, налогом. Хотя среди них имелось много купцов и фабрикантов, подчас очень богатых. Рябушинские, например. Да и Морозовы – выходцы из старообрядцев. Они не жалели денег на поддержку истинно православной веры. В Москве, например, до сих пор существует Рогожское подворье, являющееся центром всего российского старообрядчества. Там же пребывает и Митрополия, то есть руководство Московской и Всея Руси Русской православной старообрядческой церкви. Нужно заметить: почти сразу же старообрядчество разделилось на три основные ветви или согласия: поповство, беспоповство и единовещество. В свою очередь, эти согласия делятся на многочисленные толки. В здешних местах проживают беспоповцы-часовенники.

– Почему их зовут беспоповцы и часовенники? – не удержался от нового вопроса Фрол.

– Когда начался раскол, старообрядцы бежали от власти вместе со своими попами. Когда попы поумирали, новых ставить было некому, так как ни один архиепископ не являлся приверженцем старообрядства, а рукоположить в священники может только церковный иерарх, ну, начальник, другими словами. Поповцы с течением времени нашли в Австрии и склонили в старообрядство такого иерарха, митрополита Амвросия, а в среде беспоповцев из числа верующих выделились начетчики – руководители общин, знатоки Священного Писания, выполнявшие простейшие обряды, к примеру крещение. А часовенниками согласие называется потому, что моления у них проходят не в церквях, а в часовнях. Важнейшее отличие от других беспоповцев в том, что часовенники не перекрещивают тех, кто приходит к ним из других согласий. И крестятся они не в открытой воде, как иные согласия, а в деревянной бочке – купели. Теперь понятно?

– Понятно, что ничего не понятно, – отозвался Фрол. – Хренотень какая-то... Открытая вода, бочка... голова от этой чепухи закружилась. Я так понимаю: старая вера – она для стариков, а молодежи это все «до фени». Старики пушай кладут поклоны Иисусу Христу, а мы молимся другому богу.

– Какому же, интересно? – хихикая, спросил Миша.

– Да деньгам! Есть деньги – ты человек, а нет, молись не молись, чуханом и останешься.

Тут надобно слегка отвлечься от основной линии повествования и сообщить читателям, кто же такие эти бойкие молодцы в кирзовых сапогах и фуфайках и как их занесло в сибирские дебри.

Оба родились лет тридцать назад в тогдашнем Свердловске, в одном и том же районе, именуемом «Уралмаш». И двухэтажные домики с тесными квартирками, расположенные неподалеку от центральной проходной одноименного завода, на котором трудились их родители, стояли рядом друг с другом. Фамилия Михаила была Гурфинкель, а Ивана – Казанджий. Ходили ребята в одну и ту же школу, и даже в один и тот же класс, и не то чтобы очень дружили, но относились друг к другу вполне доброжелательно. Вечерами сживали во дворе на сдвинутых вместе садовых скамейках, слушали завывания местных бардов, пили пиво, пялились на проходящих девчонок.

Мишка был наполовину евреем, а в Ваньке смешалось много кровей, хотя, когда его спрашивали о национальности, он равнодушно отвечал: украинец.

Мишка читал книжки про шпионов и фантастику, Иван предпочитал исторические романы. После школы Гурфинкель направил стопы в институт культуры, а Казанджий, не пройдя конкурс на исторический факультет Уральского университета, загремел в армию. Отслужив положенное, он вновь двинул на историка, закончил университет, поступил в аспирантуру, защитился и стал новоиспеченным кандидатом наук, каковых сегодня – пруд пруди. Мишка же институт культуры не окончил, вылетев с третьего курса. Не особенно огорчившись, он ударился в коммерцию.

Свердловск, ныне Екатеринбург, известен, в частности, и своими криминальными группировками, но Гурфинкель в бандиты не подался, а стал понемногу промышленять на толкучке, причем в довольно специфическом бизнесе; он занимался антиквариатом. Вначале просто скупал и перепродавал всякую мелочовку: каслинское литье, недорогие иконы, кузнецовский фарфор, монеты, рядовые ордена и медали, старые значки и прочее барахло, оказавшееся сегодня в цене. Дела шли неплохо. Появились постоянные покупатели. Но своего лотка, тем более магазинчика, Мишка не имел, справедливо полагаясь на принцип «все свое ношу с собой». В окрестностях Екатеринбурга и соседнего Челябинска немало крошечных старинных городков, где можно было разжиться весьма интересными вещичками. На своем потрепанном «BMW» Гурфинкель регулярно совершал объезды окрестностей, что-то скупал, что-то выменивал... Везде у него имелись знакомства. Он водил дружбу с чистенькими, богомольными старушками, спившимися интеллигентами, вороватыми юнцами с бегающими глазками. Эта пестрая публика исправно снабжала его товаром.

Но время шло, и Михаилу стало тесно в уральской глубинке. Интересующийся антиквариатом народ богател, запросы менялись. Если вчера какой-нибудь «подлинный ценитель» пускал слюни при виде тарелки фабрики Кузнецова, то сегодня ему требовался Фюрстенберг, Веджвуд или, на худой конец, Гарднер. География поездок изменилась. Были забыты все эти Невьянски, Ирбиты и Бакалы. Им на смену пришли Москва, Питер, а дальше – Вена и Лондон. Но Гурфинкель был не только дельцом, но и романтиком в душе. Ему хотелось настоящих приключений. Однако эти приключения должны непосредственно сочетаться с его бизнесом. Так родилась мысль смотаться в Сибирь на поиски старопечатных книг. Тем более у него имелся на этот товар весьма солидный покупатель. И тут Мишка вспомнил про Ивана Казанджия, который, по его сведениям, был специалистом в этой сфере.

Иван жил все в той же квартирке на «Уралмаше» вместе с матерью. Отец его к тому времени умер. Гурфинкель как бы случайно подстерег товарища по детским играм у подъезда и напросился в гости. За бутылкой коньяка он завел разговор о деле. К некоторому удивлению Мишки, Ивана не пришлось долго уговаривать. Он охотно согласился отправиться на поиски редких книг. Финансовую сторону экспедиции Гурфинкель брал на себя. Условия Иван поставил следующие: каждая третья книга, из числа добытых, принадлежит ему. Причем на выбор.

Мишка после некоторого раздумья уступил, и как ему показалось, не прогадал. Во-первых, Казанджий точно знал, куда нужно ехать. И потом, несмотря на ученую степень, он оказался отнюдь не «книжным червем», а вполне компанейским парнем. Время как будто не изменило его. Он остался все тем же дворовым пацаном, каким помнил его Мишка. В первый же день в поезде они крепко выпили, расчувствовались, стали вспоминать детство, школу, знакомых девчонок... Словом, путешествие обещало стать не только полезным, но и приятным.

До Абакана добрались в спальном вагоне. Мишка решил шикануть. Там пересели на старенький, насквозь пропыленный автобус и покатали в Кызыл. В этом угрюмом городе, несмотря на помпезный центр и относительно современные девятиэтажки, походят на огромную трущобу, задерживаться не стали. Мишка хотел переночевать в гостинице, но Иван, которому очень не понравились злобные взгляды, бросаемые на них плосколицыми аборигенами, решил без промедления двигать дальше. Пообедали в кафе со странноватым названием «Пещера» (впрочем, подаваемые блюда были довольно вкусными) и отправились на автовокзал. Такой же грязный автобус, как и первый, только поменьше, понес их вперед, на юг. Проехали еще пару сотен километров, потом вышли в деревушке, названия которой Мишка не запомнил, переночевали в «Доме колхозника», где, кроме них, никого не было, утром позавтракали яичницей с салом и вкуснейшими пирожками с картошкой. Обьевший Мишка вновь улегся на звенящую растянутыми пружинами железную койку, а Иван куда-то убежал. Вернулся он через час и приказал немедленно собираться. И вот они уже летят на крохотном самолете вместе с пестрой компанией других пассажиров, среди которых старик-тувинец с перевязанной теплым платком щекой, курносая светловолосая молодуха-метиска с грудным ребенком на руках и дородная русская женщина со здоровенным гусаком в деревянной клетке. Сидя на деревянной скамье, Мишка то и дело поглядывал через плечо в иллюминатор. Под крылом низко летящего самолета проносились покрытые лесом горы, остроконечные, голые пики, синие глазки озер. Наконец «лайнер» резко пошел вниз, отчего пирожки с картошкой подступили к самому горлу, и прямо-таки упал на размокшее после дождя поле.

– Приехали, – объявил Иван. – Дальше придется передвигаться на подручных средствах.

Стоявшая на берегу бурной реки деревня оказалась большой и какой-то капитальной, что ли. Дома с крытыми дворами имели мощные, глухие ворота, высокие, капитальные заборы. Что происходило за этими заборами – оставалось тайной.

– Думаешь, здесь есть книги? – спросил Мишка у Ивана.

– Есть, скорее всего. Только к себе никто не пустит. Не доверяют приезжим. Идти нужно дальше, в тайгу... Там и народу поменьше, и сами люди попроще. Найдем знающего тропы и двинем.

Проводника удалось отыскать почти сразу же. В деревенской чайной Иван разговорился с белобрысым парнем по имени Фрол Сивков, представил себя и Гурфинкеля как ученых из Екатеринбурга, приехавших в эти места в этнографическую экспедицию. Поинтересовался: не знает ли Фрол подходящего человека, способного провести их в деревушки и заимки, стоящие на притоках Енисея.

– Дак я и есть, кто вам нужен, – тут же отрекомендовался парень. – И охотник, и рыбак, и следопыт. И лодка с мотором у меня имеется. Сколько положите?

Сговорились быстро. За день запаслись всем необходимым для хождений по тайге, закупили в местном сельпо провизию, амуницию, бензин для лодочного мотора, в последний раз переночевали в деревне, а утром отправились, как выразился Иван, «на маршрут».

Первая деревушка, куда они попали, стояла на взгорке над рекой и состояла всего из пяти домов. На берегу имелось несколько алюминиевых «казанок». Встретили их не то чтобы плохо, но весьма холодно. У первого же старичка, гревшегося на солнышке перед домом, Мишка нетерпеливо поинтересовался: имеются ли старинные книги.

– А вы кто? – в свою очередь, спросил дед.

– Ученые.

– Что-то не похожи.

– А на кого же мы похожи? – не отставал Мишка.

– На варнаков бродячих, – ничуть не смущаясь, заявил дед.

Иван стоял чуть поодаль и едва заметно усмехался.

Мишка слегка смутился и полез в карман за документами.

– Не нужны мне ваши бесовские бумаги, – отвел руку Мишки дед. – И книг у нас никаких нет. Ступайте своей дорогой.

Путешественники еще немного послонялись по деревушке, постучались в пару изб, но разговаривать с ними никто не желал, даже внутрь не пустили. Пришлось вновь возвращаться на берег.

– Ничего себе приемчик, – обескураженно произнес Мишка.

– А ты чего желал? Здравствуйте, пожалуйста... гости дорогие приехали. Кто же так начинает. А нет ли у вас книг старых? Ты же не дома. Там старая книга – зачастую ненужный хлам, оставшийся от умерших пращуров, а здесь почитаемая и веками оберегаемая от посторонних вещь. А ты – вынь да положь.

– Хорошо, в следующий раз говорить будешь сам, – охотно согласился Мишка.

Фрол завел мотор, и лодка понеслась вперед, подпрыгивая на бурунах быстрой речки. Через час пути по воде дорогу перегородили пороги. Вначале удавалось кое-как протискиваться между ними, но вскоре двигаться по реке стало вовсе невозможно. Пристали к берегу. Фрол выскочил из лодки и пошел вверх по берегу на разведку. Он вернулся минут через пятнадцать и сообщил, что пороги не длинные, однако по воде сквозь них не пройдешь, и придется тащить лодку по берегу. «Трудов на час», – сказал проводник. Однако, матерясь, тянули «казанку», а потом перетаскивали припасы все три часа. Потом решили перекусить, но аппетит отсутствовал, поскольку все порядком устали.

– Ну, что, идем дальше или ночуем здесь? – спросил Фрол.

– Только четыре. Рано еще. Едем дальше.

Сразу же за порогами начинался плес. Горная река текла меж отвесными гранитными стенами высотой в десятки метров. В некоторых местах они спускались прямо в воду, а в других отступали у берега, давая место зарослям смородины. Солнце начало клониться к закату, когда путешественники увидели на берегу, среди расступившихся скал, одинокий деревянный челн, а рядом сушившиеся на кольях рыбацкие сети. Едва заметная тропинка вела вверх.

– Здесь живет один... – сообщил Фрол. – Как бы сказать?... Вроде святой. Идите познакомьтесь, а я на берегу останусь.

Вскоре тропинка привела к небольшой поляне. За нею изгородь, стожок сена, огород. В огороде копался старец, одетый лишь в исподнее. Увидев незнакомцев, он отложил тяпку и, не обращая на них никакого внимания, удалился в крохотный домик, вернее, сторожку, стоявшую на задах огорода.

– Ну вот, пообщались, – удрученно заметил Мишка.

– Погоди. Сейчас он вновь появится, – предположил Иван, и не ошибся.

Старец появился вновь, на этот раз облаченный в некое подобие монашеской сутаны черного цвета, отороченной красным кантом. Несмотря на загорелое, курносое лицо, по осанке и манере держаться выглядел он как выходец из минувших веков. При виде неизвестных людей старец не выразил ни удивления, ни испуга. Он вежливо поздоровался и поинтересовался: с чем пожаловали незнакомцы. При этом старец неопределенно усмехался. Иван решил не ходить вокруг да около и одновременно не проявлять излишней поспешности. Он сообщил, что является сотрудником Екатеринбургского палеографического центра Уральского отделения Академии наук России и прибыл в эти места для изучения археографических памятников, то есть древних книг, имеющихся у здешнего населения.

– А вот посмотрим, какие вы ученые, – не переставая усмехаться, заметил старец. – Пожалуйте в мои хоромы.

Домишко оказался совсем маленьким, точно игрушечным. Даже вход в него был сделан так, что приходилось нагибаться, прежде чем переступишь порог. Над дверью врезан небольшой восьмиконечный крест. Убранство же внутри оказалось и вовсе простым, даже убогим. Половину комнаты занимала печь с лежанкой, возле маленького окошка стоял стол, в одном из углов за занавеской угадывались стеллажи с книгами, в другом под многочисленными иконами теплился синий огонек лампадки. Хозяин откинул занавеску, и гости увидели струганные полки, уставленные десятками старинных томов.

– Нут-ка, братец, скажи, что сие есть такое? – старец снял с полки одну из книг и протянул Ивану.

Иван присел на табурет перед оконцем, положил книгу на стол, внимательно осмотрел переплет, украшенный орнаментом из переплетенных трав и вытесненной надписью «Книга глаголемая...», потом расстегнул медные застёжки.

– Ага, «Псалтырь», – заключил он свои наблюдения. – Первая половина семнадцатого века. Издание Московского печатного двора.

– Верно, – одобрительно произнес старец. – А читать по-старому умеешь ли?

Иван прочитал несколько абзацев.

– Умеешь, – констатировал старец. – А нут-ка на эту глянь...

Вскоре хозяин удостоверился, что перед ним знающий человек, и завел с Иваном сугубо специфический разговор на тему: можно ли спорить с католиками по поводу исхождения Святого Духа, используя их же католические тексты. Вскоре они беседовали как давно и хорошо знающие друг друга специалисты-единомышленники. Мишка только диву давался. Он еще раз поразился, что сделал правильный выбор, пригласив Ивана ехать с собой.

После недолгих уговоров старец пожертвовал «для науки» пару фолиантов.

Заночевали тут же, на берегу, а утром отправились дальше. Начало было положено.

За две недели скитаний по тайге приходилось встречаться с самыми разными людьми. Одни из них, в основном старики, великолепно разбирались в богословских вопросах, умели различить по одному виду переплета, из какой типографии, московской, львовской или пражской, вышла книга. Другие же, особенно те, кто помоложе, владели тонкостями книжной премудрости не так хорошо, а отдельные даже Священное Писание знали кое-как, но все они, как один, держались за древнее благочестие. Ни разу к искателям не подошел, не прокрался под покровом ночи ни один человек с предложением продать книги. Вначале это удивляло Гурфинкеля, по собственному опыту знавшего: в деревнях за бутылку можно сторговать все, что угодно. Но здесь, в медвежьей глуши, формировавшиеся веками моральные устои оставались незыблемы. К слову сказать, книг удалось раздобыть немного – штук восемь. И хотя в их руки перешли исключительно подлинники, причем одна книга оказалась даже рукописной, сами издания особой редкостью не являлись. В основном это были псалтыри, часословы и жития. И только в самом конце странствий искателям улыбнулась удача. На одной ветхой заимке одинокая схимница Манефа, такая же дряхлая, как и ее жилье, разговорившись с Иваном и вскоре оценившая его знания, сообщила, что верстах в двадцати от ее заимки в лесу стоит заброшенный скит, где имеются старые книги.

– Насельников в ем давненько нет, – рассказывала Манефа, – а книги, знать, остались. Последней черноризой ¹ в ем была матушка Максимила, дак годков пять тому ко мне сюда пришла. Говорит: «Давеча сестрицу Аглаиду схоронила. Боле никого не осталось. Накрываться

---

¹ Чернориза – монашка.

² то ноне не больно желают». Стали мы с ей вдвоем Богу молиться, дак прошлый год преставилась сердешная. Отошла в мир иной.

Манефа сообщила, как найти скит, однако объясняла путано, постоянно оправдываясь, что не бывала там лет тридцать и дорогу помнит плохо.

– Идите все вдоль ручья, против течения. Не сворачивайте. А где по воде прямо, если горки дорожку загородят. Так с камешка на камешек и, дай Господь, приползете.

На следующее утро стали собираться в дорогу. Фрол и на этот раз решил остаться у лодки. К ручью, впадавшему в речку, по которому прибыли сюда, вела едва заметная тропка. Она некоторое время петляла по изгибам берега, наконец, и вовсе пропала. Пришлось пробираться по давным-давно нехоженой земле. То и дело встречались прибрежные заросли лесной смородины и малины. Малина уже совсем поспела, и Иван на ходу срывал мелкие, пахучие ягоды.

Внезапно впереди послышался звук, напоминающий хрюканье свиньи, и треск. Странники в недоумении остановились.

– Вот черти, – сказал Мишка. – Сюда добрались.

– Кто?

– Да ягодники же. Малину собирают. А бабка говорила: никого на десятки верст нету.

– Мне кажется, это вовсе не ягодники...

Из зарослей послышалось сдержанное рычание, и над малиной возникла громадная медвежья башка. Маленькие злые глазки уставились на непрошенных гостей. Гурфинкель дрожащими руками уже рвал с плеча двустволку.

– погоди, – остановил его Иван, отведя в сторону ствол. – Не нужно стрельбы. Отступай потихонечку назад, только не поворачивайся к нему спиной.

Медведь вновь утробно зарычал в их сторону, но с места не сдвинулся, по-видимому, не считая парочку серьезными врагами. Казанджий и Гурфинкель медленно, стараясь не делать резких движений, спустились к самому берегу, перешли по воде на противоположную сторону и вновь остановились напротив зарослей малины. На этот раз медведь не отреагировал на них. Он спокойно лакомился сладкой ягодой.

– Уф! – выдохнул Мишка. – А я-то, дурень, выпалить хотел. А чем стрелять собирался... – Он вытащил из ствола патрон с нарисованной на пыже пятеркой. – Утиной дробью! Вот делов-то, наверное, было бы...

Шли еще часа два, но зверей больше не встречали. Тайга делалась все глуше и угрюмее. Солнце едва пробивалось сквозь кроны мощных елей и лиственниц. Да и идти становилось все тяжелее. Берег ручья состоял из валунов, по которым нужно было прыгать. Брести по воде оказалось еще неудобнее, поскольку перекаты сменялись довольно глубокими омутами. Оставался лес. Они так и сделали. Шли еще с час, пока окончательно не выдохлись.

– Привал, – заявил Иван, в очередной раз споткнувшись о вылезший из земли корень.

Нашли на берегу укромный уголок меж двух валунов, развели костерок, вскипятили чайку.

– Думаешь, далеко еще топать? – спросил Мишка.

– Бабка сказала: до скита верст двадцать. Мы прошли примерно половину; значит еще часа четыре в лучшем случае.

– В лучшем случае – это значит все шесть. Я, честно говоря, умаялся. Давай заночуем здесь.

– Мысль здравая. Можно рыбки наловить, ушицы сварганить...

Не долго думая, Иван срезал с прибрежного куста длинный прут, привязал к нему леску, уселся на валун и закинул в воду наживку в виде искусственной мухи. Клынуло почти сразу же. За час он натаскал с десятков небольших хариусов. Мишка почистил пару картофелин и головку

---

² Накрываться – принимать монашеский постриг.

лука, достал из рюкзака горсть риса. Тут же была сварена уха, оказавшаяся столь вкусной, что котелок был вычерпан до дна.

– Хорошо, отлично, – констатировал Мишка, развалившись на спальном мешке и поглаживая рукой волосатый живот. – Вот ради чего я и отправился в эту глушь.

– Чтобы поесть уху из хариусов, не нужно было тащиться в такую даль. Отъехал от Свердловска километров тридцать, и, пожалуйста, те же горные речушки, тот же хариус.

– Так-то так, но там народу много. Под каждым кустом тачка стоит. А тут простор... Я понимаю этих кержаков, которые тут живут. Здешняя природа сама располагает к богоискательству, к истовой, бескомпромиссной вере.

– Ну, понес... – Иван хмыкнул. – При чем тут природа? Оставалось ли у них время любоваться роскошными видами? Нет, дорогой. Нужно было выживать. А выжить помогала только работа. Ежедневная, тяжелая... Ты прикинь. Вот приехал в эти края новосел. Нужно дом какой-никакой построить, пашенку, хоть самую маленькую, распахать... Да хотя бы место под огород. А это тяжелейший труд. Раскорчевать участок, вспахать его, удобрить...хлопот не оберешься.

– Зачем обязательно заниматься хлебопашеством, – возразил Мишка. – Рядом лес, река... Всегда можно добыть мяса и рыбы.

– Мясо и рыба – хорошо. Но как без хлеба? Никак!

– Ладно, верю на слово. Но все равно, что бы ты ни говорил: природа – сама по себе храм. Не всю же жизнь они пахали. Да и во время работы поднимет мужик голову, оглядится, а вокруг такая красота...

– ...И ни помещика рядом, ни сборщика податей, ни никонианского попа, – продолжил мысль Иван.

– Вот только я не въезжаю, – продолжал вслух размышлять Гурфинкель, – как это можно одному в лесной глуши обитать? Ладно, когда несколько семей или, там, монахов... А эта бабка, о которой рассказывала Манефа, ведь одна в тайге мыкалась. Летом еще ничего, а зимой?

– Вера питала.

– При чем тут вера?! Верой сыт не будешь.

– Кто знает.

– Ерунда. Не понимаю я...

Иван промолчал.

– Нет, ты ответь... объясни, если можешь? – не отставал Мишка.

– Вот для тебя, что главное? – спросил Иван.

– Главное... Не знаю даже.

– Подумай.

– Ну... допустим, деньги.

– Ой ли?

– Ты прав. Не деньги, конечно. Но они играют большую роль в создании комфорта, уюта.

Решают множество вопросов.

– Значит, деньги только инструмент.

– Пускай так.

– Инструмент для сытой, спокойной жизни. Но ведь деньги можно заработать каким-нибудь менее хлопотным делом, и закон не требуется нарушать.

– А я и не нарушаю.

– Нарушаешь, нарушаешь... Сам это знаешь. И рано или поздно сядешь.

– Не каркай, пожалуйста.

– Значит, твое нынешнее занятие устраивает тебя не только потому, что приносит доход.

– Ты понимаешь: есть в этом нечто... Во-первых, сам процесс поиска. Встречаешься с разными людьми...

– И дуришь их.

– Бывает, и дуришь. Но не это основное... – Мишка замолчал и задумался. – Наверное... Наверное, главное в том, что я получаю некое удовлетворение от своего занятия.

– А вот скажи, ты в Бога веришь?

– В Бога?! Скорее нет, чем да. Допускаю, возможно, есть что-то такое... – Мишка плавно взмахнул рукой. – Но... А ты, неужели веришь?

Иван пожал плечами:

– Нахожусь примерно на твоих позициях. А вот здешние люди верят. А вера, по пословице, горами движет. Поэтому для них не существует иного выбора, чем этот. И в том, что можно жить в глухой тайге вдали от людей, у них сомнений нет. Верой своей они тверды.

Утро выдалось хмурым и прохладным. Из почти касавшихся земли клокастых туч сеял мелкий дождик. Костер разжигать не стали. Позавтракали подсохшим хлебом и соленым салом, запили скромную снедь чаем из термоса и двинулись дальше. Дорогой все больше молчали, только раз Мишка, видно, пытаясь настроиться на более веселый лад, затянул дурацкую песню про «тара, туру туристов», но скоро бросил орать, подавленный сумраком тайги. Под высоченными елями было почти темно. Стояла абсолютная тишина. Даже обычного посвистывания ветра в хвое не слышно. Лишь иной раз пистолетным выстрелом хрустнет под сапогом сухая ветка. И все. Вновь кладбищенское безмолвие. Первым не выдержал Мишка.

– Жутко как-то делается, – напряженным голосом заметил он.

– Почему жутко?

– Не знаю даже... Оторопь охватывает. За каждым стволом мерещится.

– А ты крестись.

– Да ладно тебе... Все хиханьки да хаханьки. А если он из-за дерева покажется?

– Кто он?

– Ну, не знаю... Леший какой-нибудь.

– А что. Вполне возможно. Вижу, вижу!.. Вон, впереди кто-то стоит.

– Кончай жуть нагонять! И так страшно. Где, к черту, этот проклятый скит?

– Ты нечистого не к месту поминаешь, – хмыкнул Иван.

– Да, верно... С языка нечаянно сорвалось. – Мишка неумело перекрестился.

– А говорил: не веруешь, – захохотал Иван.

– Не то что бы совсем не верю... А так...

Где-то впереди, за деревьями, раздался громкий неприятный звук, будто кто-то продудел в берестяную трубу.

– Что это?! – всполошился Мишка.

– Понятно что, вернее, кто. Леший. Его голос.

– Скажешь тоже. Леших не бывает. И прекращай меня заводить. Шагай лучше побыстрее. Звук повторился. На этот раз он раздался где-то совсем рядом, метрах в десяти, и был еще громче и противнее, чем в первый раз.

Мишка остановился, зажмурился и зажал уши. Иван снял с плеча ружье и выстрелил в воздух. Мишка вздрогнул и упал на четвереньки.

– Вставай, чего разлегся! – прикрикнул на него товарищ, стараясь хотя бы таким образом приободрить. Тот открыл глаза, непонимающе огляделся, потом упер взгляд в Ивана.

– Где он? Ты его убил?

– Да кого его? Вокруг ни души. И чего ты испугался?

– Да не испугался я! По ушам ударило...

– Как это по ушам? А почему меня не ударило?

– Уж не знаю. Словно кнутом хлестнуло.

Иван в сомнении смотрел на товарища, не зная, верить или нет. Но, похоже, Мишка говорил правду. Из раковины правого уха, ближнего к источнику звука, выкатилась капелька крови.

– Что это все-таки было? – стуча зубами, спросил Мишка.

– Не знаю. Возможно, и в самом деле леший нас пугает.

– А почему на тебя не подействовало?

– И я себе тот же вопрос задаю.

– Может, потому, что ты русский, а я еврей.

Иван засмеялся:

– При чем тут национальность? И я не чистокровный русский, и ты не чистокровный еврей. Думаешь: леший – антисемит?

– Я не крещеный...

– И я тоже. Нет, тут что-то другое.

– Я дальше не пойду.

– Да брось ты... Мы почти дошли.

– А если этот опять?..

– Он выстрела испугался и убежал, – как маленькому стал объяснять Мишке Иван.

Где-то вдалеке раздался злобный хохот. Мишка опять схватился за голову руками.

– Да, ушел он... Ушел!!! Я же сказал... Идем! – Иван взял товарища за руку и потащил за собой.

Больше их никто не пугал, но Мишка шел понуро, явно через силу. Он то и дело озирался и шарил глазами по стволам елей.

Брели по лесу еще с час. Вдруг тайга расступилась, и показалась небольшая полянка, а за ней дряхлая изгородь и ветхое строение с восьмиконечным крестом на коньке.

– Пришли, – сказал Иван. – А ты боялся.

– Ничего я не боялся. Что ты все травмишь?!

– Ладно, ладно... Извиняюсь. Больше не буду. Не бери в голову...

Искатели сбросили с плеч рюкзаки, спальные мешки и осмотрелись. Все вокруг заросло невысоким подлеском. Даже у порога тянулась к небу небольшая березка.

– Давно не ступала сюда нога человека, – констатировал Иван. Он подошел к двери и толкнул ее. Дверь не поддавалась.

– Заперто, – заметил Мишка.

– Нет. Вряд ли. От кого тут запирается. Просто давно не открывали. – Иван что есть силы саданул в дверь сапогом. Домишко явственно зашатался, однако дверь не открывалась.

– Э-ге! – только и произнес Казанджий. – А теремок-то едва стоит.

Он взялся за кованое кольцо, приделанное к двери, и попытался повернуть его. Запор заскрежетал, дверь с жутким скрипом отворилась, и они вошли внутрь. Дневной свет, едва пробивавшийся через крохотное окно, кое-как освещал большую печь с просторной лежанкой, черный от времени стол, на котором покоилась одинокая деревянная миска, лавки по стенам, домотканые половики, ушат, как видно, для воды. Один из углов был занят большим иконостасом, под которым висела лампадка. В следующем углу стояли полки с книгами. Углы были густо затянуты паутиной.

Мишка вышел на улицу, достал из рюкзака электрический фонарь и вернулся в скит. Луч света заметался по стенам, уперся в иконостас.

– Ничего так, – произнес Мишка тоном знатока после некоторого изучения. – Доски, говорю, неплохие. Весьма!

– Мы сюда не за иконами пришли, – оборвал его Иван.

– И их прихватим. А почему бы и нет? Кому они тут нужны? А иконки классные. На пару тысконок потянут. Тысконок баксов, говорю. Это навскидку. А при ближайшем рассмотрении...

– Дай-ка фонарь.

Яркий свет вырвал из мрака черные корешки. Томов на полках стояло штук пятнадцать. Иван наугад снял одну книгу, расстегнул застежки, осторожно открыл переплет, который при этом явственно затрещал.

– Ну, как? – спросил Мишка вглядываясь в яркую, сверкающую сусальным золотом заставку на первой странице. – Красотища-то какая!

– Рукописное Евангелие, – сообщил Иван. За бесстрастным голосом угадывалось волнение. – Думаю, конец шестнадцатого века.

– Ого! Вот это да! А остальные?..

Новые тома были сняты с полок. Вскоре выяснилось, что перед ними поистине клад. Здесь имелись книги из типографий Ивана Федорова и Франциска Скорины, издания Московского печатного двора, рукописные «Четьи Минеи» начала шестнадцатого века.

«Житие и подвизи святого благоверного князя Александра Невского чудотворца», – по складам прочитал Иван.

– Неплохая подборка, – заключил он. – Одна эта книга «Житие Александра Невского», – он щелкнул по потрескавшейся коже переплета, – весит больше, чем все наши прошлые приобретения.

– Весит, в смысле стоит? – с интересом спросил Мишка.

– Весит, в смысле научном. Ну и стоит, конечно...

– Клондайк! – завопил Мишка, – Голконда! Да еще иконки!

– Нет, дорогой, – одернул его Иван. – Иконы мы брать не будем.

– Как это не будем?! Почему?!

– Но ведь мы не за ними шли. Наша цель – книги.

– Согласен. Но попались. Ведь они ничьи. Сгниют здесь. Ты же ученый. Должен понимать, что подобные вещи должны быть сохранены. Это же исторические реликвии, да к тому же памятники культуры. Им место в музее.

– Ты что же, для музея их отсюда потащишь.

– А почему бы и нет.

– Не надо! Продашь, и дело с концом.

– Даже если и продам, все равно они будут оценены знатоками и сохранены, а не сгниют в этой утлой хижине. А возможно, и в музей попадут... Или в церковь.

– Так книги тебе церковники заказали?

– И они в том числе.

– И тем не менее иконы я не поташу.

– Хорошо, хорошо. Поташу я... А ты – книги.

– Дело не в том, кто что потащит. Иконы выносить отсюда не дам.

– Что значит: не дам?! Ты только посмотри на них. Вон та «Праздники», как минимум, «семнажка», а «мамка»³?. «Мамка» вообще что-то невероятное. Она одна тянет на тысячу баксов.

– Стяжатель! Не потому ли тебя по ушам хлестнула дудка лешего. А понесем отсюда иконы, он вообще нас задавит.

– Ты думаешь?

– Желаеть проверить?

---

³ «Мамка» (жсрг.) – икона Богородицы.

– Нет, нет! – поспешно произнес Мишка. – Но, с другой стороны... Почему книги можно, а иконы нельзя?

– На книги мы получили разрешение.

– От кого? От Манефы, что ли.

– Ты дурак или прикидываешься? Неужели тебе не ясно, что тут про все знают. Возьмем мы иконы, и если даже вынесем их из лесу, то все равно, далеко с ними не уедем.

– Что ты имеешь в виду?

– Отберут. И книги отберут.

– С какой стати?

– Да с такой. Я же тебе толкую: мы под постоянным присмотром.

– Ну, ты и свистун! Под каким присмотром?! Кто за нами следит?!

– А ты не догадываешься?

– Это Фрол, что ли? Чушь! Обычный деревенский парняга...

– Обычный-то обычный...

– Не верю.

– Ты и в леших до сего дня не верил.

– Да кончай ты с этими лешими! Надоело!

– Смотри, какой ты вдруг храбрый сделался. Нет, Мишенька, не все так просто. Нам и скит этот указали, потому как верят, что мы – ученые. И находимся здесь с благими намерениями.

– Нет, погоди. Вот ты про Фрола начал... Неужели ты и в самом деле думаешь: парень подсадной?

– И не сомневаюсь. Поэтому думаю, для твоей же безопасности ограничимся книгами. А то, мало ли... В здешних местах, как говорится, «тайга – закон, медведь – прокурор». А за иконами ты в другой раз сюда приедешь. Если, конечно, не побоишься.

– Х-м... А может, ты и прав. – Мишка задумался. – Про Фрола ты ловко ввернул. Хотя я и не верю, но... Sapienti sat – умному достаточно. Всех денег не заработаешь. И даже «мамку» взять нельзя?

– Нельзя!

3

На днях городское кладбище (старое) Верхнеоральска стало ареной весьма странных событий.

В тот момент, о котором идет речь, на нем хоронили личность хорошо известную в определенных кругах нашего города, а именно Анатолия К. Этот гражданин вел антиобщественный образ жизни, не работал, а, что называется, «шаромыжничал», то есть в компании себе подобных с утра до вечера употреблял алкогольные напитки. Во время одного из подобных возлияний он и скоропостижно скончался от сердечной недостаточности. Так, во всяком случае, записано в свидетельстве о смерти. Покойник всю вторую половину дня и следующую ночь пролежал в городском морге, а на следующий день его должны были захоронить на старом кладбище. И вот во время похорон произошло следующее. Если читатели еще не забыли, в тот день на город обрушился сильный ливень (выпало две месячные нормы осадков). Во время грозы молния, по словам очевидцев, ударила прямо в гроб, где находился Анатолий К. От прямого попадания электрического разряда огромной мощности Анатолий К. якобы и пришел в себя. Нужно заметить, что в отношении трупа Анатолия К. вскрытие не производилось, поскольку факт смерти, по словам заместителя заведующего городской больницей А.И. Сафронова, был установлен со всей очевидностью (полное отсутствие пульса, трупное окоченение, зрачки глаз на свет не реагировали). Тем не менее Анатолий К. ожил и прямо с кладбища на собственных ногах отправился домой.

Однако по городу тотчас поползли фантастические слухи, будто Анатолий К. был оживлен одним из присутствующих на похоронах.

Конечно, тот факт, что вскрытие не проведено, говорит, по меньшей мере, о халатности наших эскулапов. Но тут встает вопрос: а если бы оно все же было проведено?.. Как бы там ни было, Анатолий К. на сегодняшний день жив. Как нам удалось установить, в медицинские учреждения города он больше не обращался. А вот встретиться с ним нам не удалось. И он, и его мать категорически отказываются от общения с прессой. Можно только констатировать, что сегодня у домика, в котором проживает семейство К., необычайно многолюдно.
Материал под заголовком «Так жив или мертв?» опубликован в верхнеоральской газете «Степные просторы»

И ведь не соврала местная пресса. Еще совсем недавно Толик Картошкин, пребывавший в звании покойника, покинул старое кладбище на собственных ногах. Правда, его бережно поддерживали под руки верные адыютанты, близнецы Славка и Валька. И шел он, словно слепой. Но факт остается фактом: покойник ожил!

Процессия возвращалась в город под проливным дождем. Вода струилась по лицу Картошкина, и оно на глазах приобретало нормальный вид. Исчезали фиолетовые пятна, которые сменила мертвенная бледность, но и она скоро прошла, уступив место нормальному цвету лица хронического алкоголика. Глаза бывшего покойника открылись, и хотя поначалу смотрели на мир совершенно бессмысленно, но постепенно и они пришли в норму. В них появилось выражение, очень похожее на испуг. Толик вдруг издал нечеловеческий вопль, колени его подогнулись, но близнецы не дали ему упасть, а заботливо поддержали за локотки и повлекли дальше.

За ними плелась Дарья Петровна Картошкина. Мамаша Толика совсем ополоумела. С одной стороны, то, что ее ненаглядный сыночек оказался жив, наполняло материнское сердце несказанной радостью, но с другой, как ей казалось, все вновь покатится по-старому. И это обстоятельство заставляло душу сжиматься в горькой тоске. Еще полчаса назад она думала: наконец-то ее ненаглядный Толечка сам отмучился и ей позволил отмучиться, а теперь... Теперь сам черт не разберет, как их жизнь сложится дальше.

Редкие прохожие, попадавшие им навстречу, увидев странное шествие, разевали рты, выпучивали глаза и замирали на месте, как соляные столбы. Воскрешение покойников было для жителей Верхнеоральска пока еще в новинку.

Процессия приблизилась к дому Картошкиных. Перед крыльцом стояли человек пять. Это были недавние собутыльники Толика, пришедшие на поминки. Узрев своего предводителя пусть не в добром здравии, но, во всяком случае, живым, двое или трое со страху бросились бежать, а те, что остались, потребовали у близнецов объяснений. На бывшего усопшего они старались не смотреть.

Компания вошла в дом, и народ расселся перед древним круглым столом, покоившимся на массивной, словно слоновья нога, лапе. На столе стояли несколько бутылок неизменного «Кавказа», приготовленных для поминок, корытце с винегретом и блюдо с нарезанным хлебом. Толик тоже сидел за столом, но молчал. Присутствовал и хиппообразный Шурик.

– Давайте помянем, – невпопад произнес один из присутствующих, берясь за бутылку.

– Ты чего, придурок?! – одернул наглеца Славка. – Он же не умер.

– И хорошо, и отлично, – нашелся «придурок». – Тогда выпьем за воскресение.

– Я сей минут картошечки принесу, – сообщила Дарья Петровна. – Картошечка у меня в духовке...

Вино разлили по стаканам, один придвинули к Толику, но тот безучастно смотрел перед собой, не обращая ни малейшего внимания на любимый напиток.

– Ты чего, Толян? Давай за второе рождение!

– Нет, братцы, – впервые подал голос «новорожденный», – я пить не буду.

– Чего это вдруг?

– А то. Все! Я свое выпил!

– И мы не будем, – неожиданно заявили близнецы.

– А вы-то с какой стати? – Изумился тот, которого чуть раньше называли придурком. –

Из солидарности, что ли?

– Наше дело, – в один голос отозвалась сладкая парочка.

– А ты, парень?.. – обратился «придурок» к Шурику. – Может, и ты не будешь? Да ты, собственно, кто? Родственник? Что-то я тебя в первый раз вижу.

– Кончай орать и указывать в моем доме! – неожиданно рявкнул Толик, демонстрируя свой обычный норов. – Хочешь жрать – жри, а мы не желаем! И не лезь, сука, с расспросами, а то мигом вылетишь.

– Ах, ты так! – взвился «придурок». – Понты гонишь?! Подумаешь, ожил он! Видали мы таких оживальщиков!

– А ну-ка, ребята, – обратился Картошкин к близнецам, – выкиньте его отсюда к такой-то матери.

– Ладно, ладно, уберите «грабли», сам уйду, – сказал «придурок», поспешно опорожнил стакан и поднялся из-за стола. – Пойдем, Витька, – обратился он к своему напарнику. – Тут одни чокнутые собрались. Ожил он!.. Жрать меньше надо!

После того как посторонние были удалены, Толик выключил электричество, зажег свечу, поставил ее посредине стола и произнес таинственным шопотом:

– Теперь я могу довериться вам, Слава и Валя, и вам, мамаша, и рассказать, что же со мной произошло. Так слушайте же, друзья. Помните, как пили в скверике?.. – Славка и Валька

яростно затрясли головами, точно взнузданные лошади. – Потом я упал... И вот вижу себя лежащим посреди кустов, у этого памятника красноармейцам. Вижу, а сказать ничего не могу, потому как помер. На самом деле помер! Вы не смейтесь, – добавил он с вызовом, хотя никто и не думал смеяться. – Полетал я, значит, кругами, вокруг себя лежащего. Потом вы с этой врачихой прибежали... И вот, чувствую я, словно меня тащит. Вроде как на речке течением. В водоворот затягивает. И стало мне тут так муторно, что и сказать нельзя. Как с самого большого бодуна, только в тысячу раз сильнее. Вижу – все! Приехал! Нет мне больше места на земле! Значит, затянуло в воронку и тащит неведомо куда. Лечу. Кругом звездочки и планеты, но смутно так, как сквозь грязное стекло. И вот, наконец, попадаю в некое место, не могу в точности его описать. Но не Земля! Стою, значит, и вроде жду. Словно кто-то должен появиться. И точно. Вдруг рядом со мной возникают другие люди. И все знакомые... И батя... и тетка... Николай Семенович, помните, директором школы был. Хороший такой мужик. Ну, привет, привет... Спрашивают: ты чего тут? Не знаю, говорю. Умер, наверное. Рано тебе сюда, отвечают. Я развожу руками, вам, конечно, виднее, но суть остается сутью. Я тут, а не дома. Тогда батя спрашивает: пьешь, сынок? Пью. Эх, ты, только и сказал. Так мне гадко стало... Словами не выразить. И все, кто там был, смотрят на меня и молча головами качают. Мол, что же ты, Толик, опустился до самого дна? Что же теперь будет? Спрашиваю у бати. А он отвечает: отправляйся-ка ты назад, не время еще... Не пей. И есть около тебя один человек. Вот его слушайся во всем, тогда в рай попадешь, а пока назад вертайся. Нечего тебе тут делать. И меня после батиных слов назад понесло. Очнулся я на кладбище.

– Что же это за человек? – с любопытством спросила Дарья Петровна.

– А вот он, – и Толик указал на хиппи, безучастно сидевшего у стола.

Все безмолвно воззрились на Шурика.

Слух о том, что Картошкин вовсе не мертв, а скорее жив, дошел до местного горздравотдела следующим утром. Вначале заместитель главного врача Андрей Игоревич Сафронов в это просто не поверил.

– Своими глазами его видела! – завопила секретарша заместителя Марина. – Под руки с кладбища вели, как раз после ливня.

– Своими глазами, говоришь? – в сомнении произнес Андрей Игоревич.

– Вот как вас!

– Весьма странное обстоятельство. А ну-ка вызови ко мне Плацекину.

Толстая дама, та самая, которая пыталась оказать Толику первую помощь, явилась незамедлительно.

– Слышала?! – вместо приветствия спросил Андрей Игоревич.

– Вы про Картошкина? Да как не слышать. В курсе я...

– И что скажешь? Ведь это именно ты констатировала смерть.

– А я и сейчас уверена. Парень был мертв на сто процентов. Ни пульса, ни других признаков жизни... Это в скверике, где он свалился. А потом я на него в морге глянула. Задубел, как мороженный судак. Он, считай, сутки в морге провалялся. Голый, при минусовой температуре. Кто же после такого в живых останется.

– Но ведь остался!

– Мало ли что? Бывает. Они, алкоголики то есть, страшно живучи. Организм проспиритован. А спирт, как известно, антифриз.

– Вот ты, Людмила Сергеевна, сама себе противоречишь. То как судак... то антифриз! Так не бывает. Справку о смерти ты подписала.

– Ну и что? Ну и подписала!

– Неприятности могут возникнуть.

– Это какие же?

– Дойдет до прессы. Раструбят. Потом оргвыводы. Начальство на ковер вызовет. Главный-то в отпуске; я за него... Значит, меня. Вскрытие сделано не было, опять же. Человека чуть заживо не похоронили. Ты представляешь, чем это пахнет?!

– Да лучше бы уж похоронили! – в сердцах бросила Людмила Сергеевна, негодуяще затрепав чрезмерно накрахмаленным халатом, и утерла пот с широкого лба.

– Что ты, что ты! – замахал руками зам.

– Толку от этого пьяницы. А теперь вот неприятности.

– Ты бы к нему съездила, – осторожно предложил Андрей Игоревич.

– К кому? К Картошкину, что ли? С какой стати?

– Во-первых, извиниться нужно, ну и вообще.

– Извиниться?! За что?! Интересное дело! Вот приеду я к этому воскресшему и скажу: «Ты уж меня извини, Картошкин, что в мертвые тебя записала...»

– Вот-вот... Именно так и нужно сказать. И справку о смерти забрать у него. Без справки все будет шито-крыто. Никто нас ни в чем не обвинит.

Людмила Сергеевна пожала плечами, халат вновь угрожающе затрепал.

– Ладно, – сказала она после некоторого молчания. – Сейчас и отправлюсь.

«Скорая помощь» остановилась перед домиком, в котором проживал Толик. У калитки болтались два-три человека, но во двор заходить не решались. Увидев вышедшую из машины Плацекину, они почтительно расступились.

– Дома? – не глядя на праздную публику, спросила та.

Любопытствующие дружно закивали.

Людмила Сергеевна твердой рукой отворила калитку и, взойдя на ветхое крыльцо, требовательно постучалась.

Отворили почти сразу, слово ждали. На пороге возникла Дарья Петровна.

– Где он? – поздоровавшись, требовательно спросила Плацекина.

– Проходите, Людмила Сергеевна, – засуетилась мамаша. В присутствии врачихи она вдруг почувствовала некое смущение, словно была перед той в чем-то виновата.

Плацекина вошла в комнату, где за столом сидели наши знакомцы и завтракали. Перед ними стояла большая миска с дымящейся картошкой, чашка с соленой капустой, банка с домашней сметаной и вареные яйца на тарелке.

– Приятного аппетита, – сказала Плацекина и тут же уставилась на медленно жевавшего Толика. Тот явно был жив.

– Как же так, Картошкин?! – с ходу перешла в наступление женщина в белом халате. – Я думала – ты умер...

– Было такое дело, – прожевав, равнодушно сообщил Толик.

– Знаю, что было. А ты, оказывается, мастер прикидываться. Вот уж не ожидала! Сумел меня обмануть, врача с двадцатилетним стажем. Вот только не пойму, зачем это тебе нужно?

– Он никого и не собирался обманывать, – вступил в разговор Славка.

– Не собирался, – подтвердил Валька.

– Он и вправду помер, – сказал Славка. – Ты же сама видела.

– А чего это ты мне тычешь?! – разозлилась Людмила Сергеевна. – Я с тобой, что ли, разговариваю?! Кстати, это, кажется, ты притащил меня к мнимому покойнику. Вот и прекрасно. Отвечать будете вместе.

– За что отвечать? – с легкой угрозой в голосе поинтересовался Толик. – Я и вправду помер.

– А теперь, выходит, ожил?

– Выходит так.

– Каким же образом? – ехидно спросила Людмила Сергеевна.

– Оживили меня.

– Вот еще новости. Интересно, кто?

– Я, – спокойно отвечивал джинсовый мужчина, доселе в разговор не вступавший.

Плацеккина с удивлением воззрилась на него. Этого человека она видела в первый раз, и он ей определенно не нравился. Похож на бродягу из интеллигентов, вид неопрятный, видимо, такой же алкоголик, как и остальные присутствующие, а возможно, просто чокнутый.

В Верхнеоральске собственного сумасшедшего дома не имелось, больных отправляли в расположенный поблизости Соцгород.

– А вы, извините, кто? – осторожно спросила Плацеккина. – Может быть, врач? Город у нас небольшой. Все, как говорится, на виду. Но вот вас я раньше никогда не встречала.

– Я здесь проездом. Зовут меня Александром Александровичем... Некоторые величают Шуриком.

– Очень приятно. Но все же, поясните, каким образом вы вернули к жизни гражданина Картошкина? Очень, знаете ли, интересно.

Людмила Сергеевна, нужно заметить, когда отправлялась к Картошкиным, никакого скандала устраивать не собиралась. Она просто хотела забрать свидетельство о смерти, а заодно взглянуть на Толика. Из любопытства. Однако женщина она была вспыльчивая. Тем более ее уже успело завести начальство. И тут этот... Оживитель чертов... Но пока она вела себя нормально.

– Как я его оживил? – переспросил Александр Александрович. – Очень, знаете ли, просто. С помощью наложения рук, – он поднял перед Плацеккиной ладонь, словно в каком-то нелепом приветствии. – С одной стороны, все как будто элементарно, но на самом деле...

Тут Плацеккина поняла – перед ней действительно душевнобольной. А подобную личность требовалось немедленно изолировать.

– ...На самом деле все не так просто, – продолжал объяснения «джинсовый» идиот, но Людмила Сергеевна только делала вид, что слушала. В ее голове стремительно созревал план по обезвреживанию непонятного, но, очевидно, опасного субъекта. «Скорой помощью» управлял пожилой и щуплый шофер Ардальон Феклистыч. Вряд ли он способен в одиночку скрутить этого типа. Значит, нужно обратиться в милицию. А обратиться у Людмилы Сергеевны было к кому. Ее собственный муж являлся заместителем начальника горотдела, а в настоящий момент исполнял обязанности начальника. Вот к его-то помощи и решила прибегнуть энергичная медичка.

Михаил Кузьмич Плацеккин, такой же плотный, краснолицый и широколобый, был похож на супругу, как еж на ежуху. На людей смотрел исподлобья, и всегда с подозрением. Единственным существом, при взгляде на которое взор майора терял профессиональную остроту и наполнялся водичей умиления, была его дочь – шестнадцатилетняя Даша. Ее майор обожал, видя в дочери как бы неземное существо. Супругу же свою Михаил Кузьмич откровенно побаивался и повиновался ей беспрекословно.

Людмила Сергеевна не дослушала разглагольствований странного субъекта о том, как он оживляет людей, повернулась и стремглав покинула картошкинское обиталище.

– Давай в горотдел, Феклистыч! – скомандовала она шоферу «Скорой помощи».

Муженек оказался на месте. Он сидел в своем провонявшем табачным дымом кабинете напротив вентилятора, рукой придерживая норовившие разлететься бумаги. Увидев жену, он немного удивился, поскольку ее посещения сего присутственного места случались крайне редко.

– Слышал про Картошкина? – с порога поинтересовалась супруга.

– А? Ну да. Вот в сводке только что прочитал. Поверить не могу. Бред какой-то... Хотя эта пьянь и не так прикинуться может.

– Ты вот что, Миша... Дай-ка команду, чтобы туда съездили и арестовали одного человека.

– Куда съездили, кого арестовали?

– Да к Картошкину. А арестовать нужно подозрительного мужика. Зовут Александром Александровичем...

– Это кто же такой?

– А черт его знает! Думаю, душевнобольной. Утверждает, что оживил Картошкина.

– Вот даже как?! – Плацекин засмеялся. – Он, что же, колдун, типа покойного Лонго?

– Не до шуток, Миша. Факт смерти Картошкина установила я. И свидетельство о смерти выписала тоже я.

– И что?

– А то! Шум может начаться. В газете напишут. Сафронов и так уже с меня «стружку снимал». Как, мол, могла... опытный врач... и все такое.

– Ну а этот Александр Александрович, он кто такой?

– Я его не знаю. Похоже, не местный. Но явно у него «не все дома». Вот и пошли своих орлов, пускай проверят документы, а потом под каким-нибудь предлогом арестуют и закроют в каталажку. Если этот мужик действительно сумасшедший, тогда с меня взятки гладки. Налицо проявление невроза или чего-то вроде этого.

Не совсем уловивший логические построения своей супруги, Плацекин поинтересовался:

– Может быть, и Картошкина прихватить?

– Нет, его пока не трогай. Там еще эти близнецы...

– Семякины?

– Они самые.

– Х-м. Вся бражка в сборе.

– Вот-вот. Но они опасности не представляют, а вот этот мужик...

Если бы только Людмила Сергеевна Плацеккина могла предположить дальнейшее развитие событий, она бы не стала науськивать мужа на неизвестного ей гражданина.

Через пятнадцать минут со двора городского управления милиции выехал «газик», в котором находилось трое стражей правопорядка в звании сержантов. Они получили команду отправиться в дом к Картошкину и забрать находившегося там человека в джинсовом костюме, называющего себя Александром Александровичем.

На этот раз возле картошкинского подворья слонялось гораздо больше людей, чем во время приезда «Скорой помощи». Увидев милицию, они загомонили, не понимая, что те собираются делать.

Растолкав празднующихся, сержанты проследовали в дом, отодвинули могучими плечами Дарью Петровну, путавшуюся у них под ногами, и вошли в комнату. Завтрак давно закончился. Теперь присутствующие сидели на продавленном диване, а некоторые просто на полу и тарасились в экран черно-белого телевизора, на котором беззвучно скакали мультяшные персонажи. Увидев милиционеров, они оторвали взгляды от экрана и молча уставились на них. Некоторое время и те и другие разглядывали друг друга, словно видели в первый раз, наконец, один из стражей порядка хмуро поинтересовался:

– Кто здесь Александр Александрович?

– Я, – сообщил гражданин в джинсовом костюме.

– Документики покажите.

– Зачем вам его документы? – вступил в разговор Толик Картошкин. – И по какому праву вы ворвались ко мне в дом?

– Ты помолчи, – миролюбиво произнес тот милиционер, который потребовал показать документы.

– Что значит: помолчи?! Тут я хозяин!

– Ну и хозяйствуй себе на здоровье. А в разговор не встревай. Мы ведь тебя не трогаем...

Пока, – многозначительно произнес милиционер.

– У меня нет документов, – безразлично сообщил джинсовый, тем самым прервав перепалку.

– Как это нет?! – преувеличенно изумился страж порядка. – Так быть не должно. В нашей стране документ должен иметься у каждого, чтобы, когда его попросят предъявить, он тут же и предъявил...

– Отстаньте от человека! – закричал Толик. Близнецы дружно закивали, подтверждая: от человека нужно отстать.

Но милиционеры, увы, не вняли благоразумным пожеланиям.

– В таком случае вам придется проехать с нами, – заявил тот, что требовал документы.

Джинсовый спокойно поднялся.

– Вот и замечательно, – облегченно сказал милиционер, который предвидел попытку сопротивления властям. – Топаи вперед.

– Эй, вы, быки позорные! – завопил Толик. – Куда поволокли хорошего человека?

– Заткнись, урод, а то и тебя следом, – заметил доселе молчавший милиционер и выразительно потряс перед лицом Толика наручниками.

Все вышли из дома во двор, а тут уже их поджидали зеваки, пришедшие посмотреть на ожившего Толика и его избавителя, молва о котором успела разлететься по городу со скоростью телеграммы. При виде Картошкина, а особенно малого в джинсовой униформе, собравшиеся загудели.

– Видите! – заорал Толик. – Хорошего человека забирают ни за что. Ничего плохого он никому не сделал, наоборот, только хорошее.

– Что, что хорошее?! – закричали собравшиеся. – Скажи нам?!

– Меня оживил, например.

Милиционеры, пробравшиеся сквозь толпу, весело захихикали.

– Происходит форменный произвол! – продолжал вопить Толик. – Главное, не говорят, по какой причине забирают!

– У него документов не имеется, – отозвался старший милиционер.

– И что из того?! Забыл человек паспорт дома... И поэтому его нужно волочь в мусарню? А ведь в нашем государстве нынче демократия. Права не имеете!

– Вот я тебе сейчас покажу «демократию», – произнес милиционер и замахнулся дубинкой.

– Не имеешь права, гад! – не сдавался Картошкин. – Раньше нас душили, и теперь душат! Что хотят, то и делают!

– Шагай живей! – зло прошептал человеку в джинсовом костюме милиционер, хотя тот шел самым обычным шагом, и толкнул его в спину.

– Ах ты, падлю!!! – увидев, как обращаются с его спасителем, заорал Толик. – Бей их гадов!!!

Близнецы, словно дождавшись команды, разом бросились в бой. Еще два-три человека последовали их примеру, но остальные зрители, среди которых были женщины и старики, активности не проявили, однако и тех сил, что вступили в сражение, оказалось достаточно, чтобы наподдать милиционерам. Им съездили по физиономиям, сбили фуражки, а с одного сорвали сержантские погоны. Между тем джинсовый без посторонней помощи сел в «газик», и теперь из окна любовался битвой. Скоро в машину заскочили едва отбившиеся от толпы

стражи правопорядка. Увидев, что тот, кого они должны забрать, уже тут, старший милиционер со злости занес увесистый кулак, но не ударил, а только выматерился.

Через пять минут машина была уже во дворе управления.

– Так-так, – неопределенно произнес майор Плацекин, с интересом разглядывая человека в джинсовом костюме, которого ввели к нему в кабинет. Потом он оглядел своих растерзанных сотрудников. – Он, что ли, вас?..

– Нет. Это его друзья... – отозвался самый разговорчивый из милиционеров. – Протестовали против задержания.

– А вы, что же?

– Их там много, – потупился милиционер. – Целая толпа.

– Вот даже как! Ну, ладно. Позже с вами разберемся. А пока приведите себя в надлежащий вид. – И когда подчиненные понуро удалились, обратился к джинсовому: – Присаживайтесь, гражданин.

И когда тот опустился на обшарпанный стул, доброжелательно поинтересовался:

– А позвольте узнать ваше имя-отчество?

– Александр Александрович, можно просто – Шурик, – охотно отвечивал джинсовый.

– А фамилия какая?

– Александров.

– Ага. Интересно. Александр Александрович Александров. Несколько утомительное словосочетание. Давайте я буду звать вас именно Шуриком.

Джинсовый пожал плечами, но промолчал.

– А документы, Шурик, у вас имеются?

– К сожалению, нет.

– Как же так?.. Непорядок. Ну, хорошо. Вы, собственно, кто? Насколько я понимаю, не местный. Городок наш маленький. Лица давно примелькались... А вот ваше я вижу в первый раз. В гости к кому-нибудь приехали?

– Да нет... – неопределенно пробормотал человек.

– Так как же вы оказались в нашем захолустье?

– Просто пришел.

– Вот это мило! Шли, шли... И пришли! Замечательно! И все же, кто вы такой, откуда родом? И, если не трудно, предъявите, пожалуйста, содержимое ваших карманов.

Шурик стал выворачивать карманы, но в них, кроме нескольких скомканных купюр, не имелось больше ничего. Майор взял деньги, пересчитал их и довольно улыбнулся:

– Сумма изрядная. Откуда?

Шурик вновь безмолвно пожал плечами.

– Смотреть мне в глаза! – вдруг неожиданно крикнул Плацекин. – Смотреть в глаза!!! Отвечай, откуда деньги?!

– Не знаю даже, – совершенно спокойно отозвался джинсовый.

– Нет, братец, так дело не пойдет. Документов у тебя нет, происхождение денег объяснить не можешь, кто ты, откуда – тоже не говоришь. К тому же тебя обвиняют... вернее, не то что бы обвиняют, но как бы утверждают, что ты... – Тут майор встретился с неподвижным взглядом джинсового Шурика, и мгновенная боль пронзила левую сторону груди. Он тяжело вздохнул, поднялся, открыл стоявший поодаль, на тумбочке, маленький холодильник, достал бутылку «Бон аквы», напился прямо из горлышка, проливая воду на форменную рубашку, потом вновь уселся в кресло, придвинул поближе вентилятор и только после этого продолжал допрос:

– ...Вы будто бы оживили некоего Картошкина.

– Было такое дело, – охотно согласился джинсовый.

– Вы это серьезно?

– Вполне, – произнес Шурик с той равнодушной интонацией, словно ему приходилось оживлять умерших чуть ли не каждый день.

– Послушай, ты!.. – в грудь вновь кто-то вцепился костлявыми пальцами. – Чего вы мне голову морочите?! Вы кто, врач?

– Немного.

– Что значит немного. Врачом нельзя быть немного... или много! Врач, он и есть врач. Вот моя супруга, например...

– Ну, до ее размеров я пока еще не дорос, – иронически произнес Шурик, но Плацекин, в данный момент озабоченный собственным самочувствием, юмора не уловил.

– Сердечко пошаливает? – участливо спросил джинсовый.

– А?.. Типа того... Давит. Душно сегодня с утра, прямо дышать нечем. А, собственно, откуда вы знаете?!

– Тромб, – сообщил Шурик словно о чем-то само собой разумеющемся.

– В смысле?.. Что значит тромб?.. Ах, тромб!..

– Последствия сидячего образа жизни, пристрастия к жирной пище, пиву и водке.

– Да вам-то откуда это известно?!

– И очень скоро возникнут серьезные осложнения, а там и инфаркт не за горами, – продолжал вещать странный задержанный, – который, скорее всего, приведет вас к преждевременной смерти.

Майор посерел. Он почему-то поверил.

– Что же делать? – в отчаянии произнес он. Рука невольно потянулась к телефонной трубке.

– И жене зря собираетесь звонить, – сказал Шурик. – Ничем она вам не поможет, потому как некомпетентна. Училась в институте плохо. Еле-еле, на троечки. Вместо того чтобы штудировать гистологию, по кабакам шаталась, по танцулькам, развратничала...

Плацекин, соглашаясь, быстро-быстро закивал. Потом он, словно опомнившись, пристально всмотрелся в лицо джинсового Шурика.

По лицу того блуждала неясная улыбка, но не ехидная или насмешливая, а скорее сочувственная, однако майор уже пришел в себя и собрался с мыслями. Тут ему все стало ясно. Станный задержанный просто морочит ему голову. Он явно не глуп. Видно по лицу понял: заболело сердце. Вот и решил воспользоваться, чтобы втереться в доверие. А про Людку рассказал... Так и тут ничего секретного нет. Ясно, что в троечниках ходила. В противном случае не распределили бы в эту дыру. Однако тревога, зароненная в душу, полностью ее не покинула. Он вновь взглянул на задержанного.

– Вы не могли бы немного подождать в коридоре?

– Никаких проблем.

– А не сбежите?

– Куда же мне бежать? И зачем?

– Ну, мало ли... Все же я приставлю к вам сотрудника.

Шурик равнодушно кивнул, и через минуту его вывели из кабинета, а Плацекин поднял трубку и набрал номер жены.

– Ну, чего? – спросила та.

– Сердце что-то давит, – сообщил майор.

– Водки жрешь много. Давай по делу. Дома жаловаться будешь.

«Вот ведь сука», – злобно подумал Плацекин.

– Ну, привезли его, – отозвался он.

– Кто он такой?

– Документов при себе не имеет. Откуда явился, тоже не говорит.

– Так я и думала.

– Он мне сказал, что у меня тромб и скоро инфаркт хватит.

– Ты, Миша, вообще дурак. Нашел, кому верить.

– Но откуда он узнал, что сердце болит?

В трубке презрительно хмыкнули.

– И про тебя он все знает, – решил отквитаться майор. – Говорит: некомпетентна; в институте училась плохо, потому как блядовала.

– Так и сказал?!

– Ага.

– Ладно! Тут я у себя одну бумажонку нашла. Вроде как ориентировку. Два месяца назад из дурдома в Соцгороде сбежал больной. Я думаю: это он и есть.

– А приметы имеются?

– Да. Значит, так. Среднего роста. Он вроде среднего... Глаза карие. Карие и есть. Острижен наголо...

– А у этого длинные космы, – ввернул майор.

– Ну и что! За два месяца успели отрасти. Одет...

– Во что?

– В больничный халат.

– А на этом джинсовый костюм. И деньги у него при себе...

– Сколько?

– Тысячонок пять.

– Может, он – уголовный?

– Вряд ли. Не похож.

– Короче говоря, закрой его, а завтра утром отвезем в Соцгород, в психушку. Их ли он больной, или нет, там разберутся.

Плацекин положил трубку, хмыкнул, вызвал милиционера, охранявшего Шурика, и приказал препроводить того в камеру.

4

– Бутоваться ночью вздумали.

– Как это?

– Да очень просто. Того парня, который Тольку Картошкина оживил, милиционеры прихватили. Ну и заперли, а Толька и его ребята давай народ мутить. Мол, нужно оживителя освободить, и тако проче. Ну и подняли людшек. Двинулись те на милицию, давай орать, камни кидать... Начальник-то ихий, милицейский, напугался, ну и на попятную пошел... И что интересно: дочка милицейского начальника шумела больше всех.

Из разговора двух старушек на базаре

Обыватели Верхнеоральска никогда не отличались особой политической активностью. Революцию в семнадцатом встретили, словно так и должно быть. Гражданская война, бушевавшая тут же, на городских улицах, была делом пришлых людей. Шуму и гаму много, а пользы для горожанина средней руки никакого. Наоборот, вред один. Продуктов не стало, магазины позакрывались... Словом, не бытие, а страдание. Стоило ли ради такой жизни митинговать? При советской власти митинги и демонстрации проходили два раза в год: 1 мая и Седьмого ноября. И, опять же, обывателя на демонстрацию не затащишь. Жидкая колонна состояла в основном из школьников, учащихся ПТУ да тружеников села, присланных в город по разнарядке. Рухнула советская власть, но и это обстоятельство не заставило массы зашевелиться. Правда, отдельные энтузиасты вспомнили о своих предках – казаках. Организовали в Верхнеоральске отдел N-ского казачьего войска, пошили форму, нацепили погоны, шашки и самопальные ордена, заткнули за голенища сапог кожаные плеточки, да и дело с концом. Все эти самозванные хорунжие, сотники и есаулы так и остались для окружающих Петьками да Ваньками, бездельниками и пьяницами. «Ряженные», насмешливо говорили о них. Новые казачки стали бороться с таким к себе отношением и даже попытались навести порядок в собственных рядах, для острастки выпоров одного урядника, отличавшегося особым пристрастием к горячительным напиткам. Однако телесные наказания должного развития не получили, поскольку инициатор порки войсковой старшина Тимохин за самоуправство схлопотал два года условно.

Словом, верхнеоральцы жили за тесовыми заборами смиренно и с оглядкой, с властями ссориться опасались, помня пословицу: «Не буди лихо, пока оно тихо». Тем страннее выглядели события, разыгравшиеся на заросших полынью и лебедой улицах на следующий день после задержания джинсового Шурика. А начиналось все так.

Уже с самого утра на них были замечены знакомые нам близнецы Славка и Валька, а так же сам «оживший мертвец» Анатолий Картошкин. Конечно же, эта праздношатающаяся троица и до сего дня примелькалась жителям Верхнеоральска, однако нынче в ее передвижениях чувствовался некий тайный смысл, а отнюдь не банальное желание выпить. Результатом этих передвижений явились небольшие группки людей, вначале вроде бы бесцельно слонявшихся по улицам, а потом начавших концентрироваться неподалеку от здания управления милиции. Публика была самая разная: пожилые люди обоюга пола, дети и подростки, а также люмпенизированная часть верхнеоральского общества. Собравшиеся о чем-то мрачно перешептывались, замолкая, если к ним приближался страж порядка или просто посторонний. К началу первого толпа приблизилась вплотную к зданию милиции, однако на территорию, несмотря на то что ворота были настежь, не вошла, зато перекрыла подступы к нему.

Плацеккин из окна своего кабинета увидел сорище, но не понял, почему собрались люди. Дежурный тоже не дал вразумительного ответа. Тогда майор просто распахнул окно и рявкнул:

– Чего вам тут надо?!

- Отпустите Шурика! – закричали из толпы. Вопил Картошкин.
- Какого Шурика? – прикинулся несведущим Плацекин.

- А того, которого вы вчера забрали из моего дома.
- Ах, вот оно что. А почему мы должны его отпускать? – поинтересовался майор.
- Потому как забрали ни за что.
- А если не отпустим?
- Разнесем мусарню к такой-то матери!
- Вот даже как! Ну, так попробуйте!

Первый камень ударился о штукатурку рядом с рамой. Плацекин поспешно захлопнул окно, однако, скорее всего, зря, поскольку следующий булыжник разнес стекло. Это было неслыханно.

- Ладно! – скрипнул зубами Плацекин. – Посмотрим, кто кого.

Через пять минут он собрал в своем кабинете весь наличествующий состав управления милиции и приказал всем вооружиться. Однако сотрудники отнеслись к этой инициативе как-то неодобрительно и исполнять приказ не спешили.

- В чем дело?! – заревел майор.

– Ты бы, Михаил Кузьмич, не орал, – резонно ответил начальник ГАИ, майор Прохоров. – С какой стати мы должны брать в руки автоматы? Ну, собрался народ, ну шумит... Делов-то...

- Что значит: «делов-то»?! На лицо акция сопротивления. Нет, даже не так. Восстание!

– Загнул тоже – восстание, – не сдавался Прохоров. – Люди просто требуют справедливости. На каком основании ты задержал парня?

– Ах, вон куда дело пошло. Значит, у этих... – он кивнул в сторону окна, – здесь имеются сторонники. Интересное кино.

– Сторонники не сторонники, а с общественным мнением необходимо считаться. Если у тебя есть основания к задержанию, выйди и объясни людям, а если нет – отпусти человека.

– И вы так считаете? – обратился Плацекин к остальным стражам правопорядка. Те понуро молчали.

- Та-ак, – протянул Плацекин. – Ясенько. Неподчинение приказу, значит?

– С какой стати мы должны выполнять глупые распоряжения? – продолжал Прохоров. – Тем более баловать оружием. Собравшихся намного больше. Начнем стрелять, пусть даже в воздух, – они все разнесут. И ради чего? Ради какого-то типа, который даже ни в чем не виноват. Ведь так, Михаил Кузьмич? Жена попросила, вот и арестовал.

Такой осведомленности Плацекин не ожидал. «Все все знают», – горько подумал он. Это потрясло его даже больше, чем неподчинение приказу.

- Хорошо, все свободны, – с каменным выражением лица произнес он.

- Так как же с вооружением? – спросил Прохоров.

- Пока никак, – отозвался Плацекин.

Лица у присутствующих разом повеселели, и они покинули кабинет.

«Что же делать?» – размышлял майор, из-за захватанной занавески наблюдая за тем, что происходит на улице.

А народ между тем все прибывал. Появились казаки в форме и при шашках, подошли рабочие из «Сельхозтехники», потом сотрудники «Лесхоза», благо, наступил обеденный перерыв. Откуда-то прикатили бочку из-под солярки, поставили ее на попа, и Плацекин, к своему величайшему изумлению, увидел, что на бочку взобралась его родная дочь Даша и начала произносить пламенную речь. Еще больше потрясло майора то обстоятельство, что Даша размахивала над головой красным флагом с серпом и молотом посередине.

– В то время, как наша великая страна скатилась в пропасть, именуемую капитализмом, наймиты олигархической власти, ее сатрапы гноят в тюрьмах лучших представителей народа.

Дрожь ужаса пробежала по телу Плацекина. Ведь это его ребенок, стоя на вонючей бочке, выкрикивал гневные слова. Майор отчетливо видел, как лопались пузырьки слюны в углах пухлых губок. За эти губки... да что там губки!.. за эту слюну Плацекин готов пожертвовать не только каким-то вшивым арестантом. Да весь город не стоит ногтя любимой дочки!

Скупые мужские слезы затуманили очи майора. А Даша тем временем продолжала вещать:

– ...До каких же пор мы будем позволять тирании тиранить наш народ?! Сколько еще может продолжаться подобное безобразие?! А известно ли вам, товарищи, что тюрем в России стало в десять раз больше, чем во времена СССР? А условия в них изменились далеко не в лучшую сторону. Об этом прямо сказал наш вождь дорогой товарищ Эдуард Лимонов. Ужасные тяготы поджидают каждого попавшего туда.

Люди, слушавшие Дашу, в подавляющем большинстве не знали, кто такой Эдуард Лимонов, однако одобрительно загудели, услышав про тюрьмы и тяготы.

Недели две назад Плацекин был несколько удивлен, увидев дочь, сидящей за швейной машинкой. До сей поры Даша не испытывала особой тяги к рукоделию. Теперь все стало понятно. Она шила революционный флаг!

Вообще-то, ранее в Верхнеоральске «нацболов» не наблюдалось, как не наблюдалось в нем «яблочников», антиглобалистов и «Идущих вместе». Некогда имелась ячейка «лдпээровцев», которую возглавлял учитель математики из ПТУ. Однако сей сторонник Жириновского переметнулся к казакам и заделался монархистом, а трое его подопечных, учащиеся того же ПТУ, стали сатанистами.

И вот теперь единокровное чадо заместителя начальника городской милиции пополнило ряды национал-большевиков.

– И черт с ним, с этим Шуриком! – вслух произнес майор Плацекин. – Пускай катится на все четыре стороны!

Он велел пригласить задержанного, а когда тот явился, сухо извинился, вернул изъятые вещи, деньги и отпустил восвояси.

При виде жертвы произвола, волей народа обретшей свободу, собравшиеся восторженно заревели. Страдальца подхватили на руки и понесли над головами ликующей толпы. А он лежал на мозолистых дланях, закрыв глаза и скрестив на груди руки.

Все это Плацекин мог наблюдать из окна своего кабинета. Только сейчас ему в голову закралась тревожная мыслишка, что события только начинаются, и он собственными руками создал для толпы героя, а может быть, и вождя. Однако в данный момент это обстоятельство не особенно беспокоило майора. Все его мысли сейчас были только о дочери. Он с отчаянием наблюдал, как его малышка прыгает под вознесенным телом, пытаясь достать до Шурика узкой ладошкой, поддержать, помочь или просто прикоснуться к новому кумиру. Но увы! Росточек у Даши небольшой, куда уж ей до дюжих близнецов, на чьих руках, в том числе, покоилось тело Шурика.

– Дурочка, – только и смог произнести в сердцах Плацекин.

Народ бережно нес мученика до самого картошкинского дома, а здесь бережно поставил на ноги и отхлынул. В сам же дом, кроме него, вступили трое: сам хозяин, близнецы и, как ни странно, Даша.

Мамаша Картошкина испытывала к новому знакомцу весьма сложные чувства. Да, конечно, он вернул ее любимого сынка с того света. И не только вернул... С Толиком произошли весьма необычные изменения. Дело в том, что с момента воскрешения он не выпил ни

капли алкоголя. Это, конечно, радовало, однако новые развлечения Толика не вызывали у нее ничего, кроме страха. Дарья Петровна была почти уверена: сынка непременно посадят. Ведь чего удумал – против властей пошел. А таким – это ей хорошо известно – место за решеткой. Уж лучше бы пил!

Толик и раньше, под мухой, бывало, высказывал крамольные мысли. Но так то дома, а нынче он бегал по улицам и призывал людей к бунту. И не просто призывал... Он этот бунт и затеял. И все ради чего? Чтобы вызволить этого странного человека, которого сын и его дружки между собой называли Шуриком. Мамаша Картошкина подозревала, что Шурик далеко не так прост, каким кажется. Совершать чудеса, по ее понятиям, могли только святые и праведники. Но этот Шурик ни на того, ни на другого не походил. А походил он просто на бродягу. И рожа неумытая, и одежда обтрепанная. Конечно, возможно, Толик вовсе не умирал, а просто обпился до беспамятства, а потом, на кладбище, очнулся. Но разум подсказывал простодушной старушке: не все здесь так просто. Откуда сила этого типа? От Бога или от дьявола? Данный вопрос пока оставался открытым. Поэтому мамаша вела себя с Шуриком осторожно, в беседы не вступала, а только слушала. Больше всего ей хотелось сходить в Божий храм и посоветоваться с батюшкой, отцом Патрикеем, поведать тому о своих сомнениях...

В Верхнеоральске имелось две церкви. Одна большая, внешне очень похожая на московский храм Христа Спасителя, только несколько меньше, именовалась Всесвятской. Возведена она была во второй половине девятнадцатого века, иждивением купца первой гильдии Кашелотьева, и являлась достопримечательностью города. Построен сей храм оказался столь капитально, что, когда в начале тридцатых его пытались разобрать на кирпичи, у разрушителей ничего не получилось. Оказалось: стены можно сокрушить только динамитом. Однако церковь стояла посреди города, в непосредственной близости от жилых домов. И поэтому взрывать ее побоялись и превратили вначале в антирелигиозный музей, а потом в склад сельскохозяйственной техники. Во время войны Всесвятскую церковь вновь открыли. Вторая церковь была подревнее, попроще и называлась Крестовоздвиженской.

В первом храме делами заправлял отец Владимир, красивый мужчина средних лет, жгучий брюнет с томными глазами-маслинами, вкрадчивым голосом и плавными движениями. Проповеди он произносил глубоким бархатным баритоном с придыханием. Отец Владимир был очень популярен меж верующих женщин Верхнеоральска, особенно среди тех, кто помоложе. Да и некоторые пожилые богомолки тоже его обожали. В Крестовоздвиженской же церкви священствовал тот самый отец Патрикей, к которому и хотела сходить мамаша Картошкина. Отец Патрикей был седенький, говорил невнятно, к тому же шепелявил, однако Дарья Петровна почему-то испытывала к нему больше доверия, чем к отцу Владимиру. Впрочем, известно, почему. Поговаривали: у отца Владимира время от времени случаются запои, и тогда попадья – матушка Вера запирает своего благоверного в доме и дубасит его скалкой, а преподобный в ответ только мычит и плачет.

Вот и теперь, когда в дом вошел Шурик, близнецы, ее сынок да в придачу какая-то девчонка-пигалица, мамаша Картошкина лишь перекрестилась и заторопилась на кухню готовить для всей оравы обед.

Компания была чрезвычайно возбуждена, лишь Шурик сохранял спокойствие, более того, выглядел даже заторможенным. Все расселись на диван и шаткие стулья. Разговор завел хозяин дома.

– Итак, мы их сделали! – с гордостью заявил Толик.

Близнецы в восторге захлопали себя по коленкам, а Даша расцвела в глуповатой улыбке.

– Ну и что? – отозвался Шурик.

– Как что?! Показали, у кого сила!

– Это мне известно. А дальше?..

– Дальше? А что дальше? – Толик наморщил лобик.

- Вот и я спрашиваю: что?
- Не знаю, даже... Как-то не задумывался...
- А зря. Об этом нужно было думать в первую очередь.
- Нам, главное, нужно было освободить тебя.
- Да меня бы и так выпустили.
- Значит, считаешь, наши труды напрасны?
- Не то что бы напрасны, а вроде как бессмысленны.
- Нужно поднимать народ, – невпопад заметила Даша.
- На что поднимать? – усмехнулся Шурик.
- На борьбу с прогнившим режимом.

Шурик почесал голову:

- А потом?
  - Установим справедливую власть. Истинно народную...
  - Разве такое возможно? По-моему, и история это подтверждает: справедливая власть невозможна по определению. Как говорится: благими намерениями вымощена дорога в ад.
  - Это точно, – подтвердил Толик с видом знатока.
  - Но надо же что-то делать! – не сдавалась Даша.
  - Нужна не новая власть, а новая вера, – сообщил Шурик.
- В комнате воцарилось молчание. Все переваривали услышанное.
- Вот вы подумайте: правители приходят и уходят – вера остается.
- Присутствующие непонимающе уставились на него.
- А вера, как выражались в старину, горами движет.
  - Что ты имеешь в виду, говоря о новой вере? – спросил Картошкин.
  - Все очень просто, – спокойно отозвался Шурик. – Я – мессия. Вы мои апостолы. Вот и понесем истину в массы. По-моему, подобные прецеденты уже имели место.

Глава администрации Верхнеоральского района Степан Капитонович Огурчиков, известный в народе под прозвищем Огурец, узнал о событиях перед зданием милиции уже после того, как они закончились. А поведал о них Огурцу водитель его персональной «Волги» Вася, когда после обеденного отдохновения вез его на службу.

Из смутных речей шофера Огурец уяснил, что пока он в неге прохладился на широкой софе, на вверенной ему территории имели место беспорядки.

– Милицию-то чуть не разнесли, – вкрадчивым шепотом толковал Вася. – Народу там толкалось – тыща, а то и две! И знаете, кто больше всех орал? Плацекинская дочка. Флагом махала красным.

- Ты это серьезно?! – не поверил Огурец.
- Голову на отруб даю! Сам, правда, не видел, а мент знакомый мне все в точности описал.
- Давно это случилось?
- Часа два как...
- А с чего бы вдруг?

Тут Вася понес сущую околесицу и про то, как некий тип оживил городскую достопримечательность Картошкина, и про то, как типа арестовали...

Глава администрации молча слушал эти речи, и лицо его темнело.

Степан Капитонович был в свое время офицером, замполитом танкового полка, и сохранил в методах управления военную струнку. Правил твердой рукой: жестко, но справедливо. Так, во всяком случае, он сам считал. Должность руководителя большого сельскохозяйственного района его очень даже устраивала, однако в последнее время он чувствовал себя не совсем уверенно, поскольку областное начальство стало подозревать его в особых симпатиях к коммунистам. Так, во всяком случае, ему передавали верные люди. Выборы были не за горами, и

Огурчиков весьма страшился потерять свое кресло. Как только Степан Капитонович услышал про манифестацию, которая проходила под красным флагом, у него душа ушла в пятки. Но особенно его поразило то обстоятельство, что флагом размахивала дочка начальника милиции. Теперь он понял, откуда ветер дует.

Хотя, конечно, все нужно проверить. Как только Огурец вошел в собственную приемную, он немедленно приказал секретарше вызвать к нему Плацекина.

Плацекин явился незамедлительно, и по его потной, взволнованной физиономии Степан Капитонович понял: майор прекрасно представляет, какой разнос ему предстоит.

– Давай докладывай, – хмуро сказал Огурец.

Плацекин рассказал примерно то же самое, что полчаса назад глава администрации узнал от своего шофера, только более подробно и обстоятельно.

– А зачем, скажи, пожалуйста, ты арестовал этого Александра Александровича? И кто он, в конце концов, такой? – все так же мрачно поинтересовался Степан Капитонович.

– Черт попутал, – не совсем вразумительно выразился Плацекин. – И не арестовал, а только лишь задержал...

– Ты не темни и черта тут не поминай, а рассказывай все толком.

И Плацекин стал излагать события, начиная с воскрешения Картошкина.

– Кончай мне мозги пудрить!!! – заорал Огурец. – Какие еще, к херам, воскрешения! Ты, майор, вконец охренел?! Что за бред несешь? При чем тут твоя жена и какой-то придурок?! Ты мне лучше про дочку расскажи. Она у тебя, как я понимаю, большевичка.

– Детские фантазии, – смущенно произнес Плацекин. – Даша – еще ребенок. Ей всего шестнадцать. Ну, взбрела девчонке в голову невесть какая блажь...

– А красный флаг – это тоже блажь?

– Само собой! Рукоделье, своего рода...

– Ах, рукоделье! – Огурец язвительно усмехнулся. – Молодец твоя доченька. Умелые ручки, так сказать. А заводила она толпу тоже детскими сказками? На штурм звала папашкиной цитадели...

Плацекин потупился.

– Ты, майор, лучше вот что доложи. Большая у них организация? Сколько в ней членов?

– Да какие члены?! Нет никакой организации. Это она телевизора насмотрелась да журнальчиков этих глупых начиталась. Опять же, Интернет...

– Интернет, говоришь? Мило. Значит, молодежный протест...

– Вот-вот.

– Ну, идиот! Ты хоть понимаешь, что все сегодня же станет известно в области? Доложат примерно так. В Верхнеоральском районе имело место выступление масс против существующей власти под красным флагом и с выкрикиванием соответствующих лозунгов и призывов. Возглавила манифестацию дочь местного начальника милиции... Как там ее зовут?

– Даша.

– ...Дарья Плацекина – активистка Национал-большевистской партии. Манифестанты нанесли некоторые повреждения зданию городской милиции. Это, так сказать, преамбула. А вот послушай дальше. Подобное стало возможным из-за чрезвычайно низкого уровня воспитательной работы с административными кадрами. А виноват в этом глава администрации района Степан Капитонович Огурчиков. Распустил он своих подчиненных. Скажем, не дал своевременный втык майору Плацекину за то, что тот находится под каблуком своей супруги и не лупит дуру-дочь. Так и скажет наш первый сек... то есть губернатор области. И еще он скажет: на кой нам черт такие руководители, как Огурчиков, которые даже в таком захудалом городишке, как Верхнеоральск, не могут навести должного порядка. Гнать Огурчикова с должности к чертовой матери! И прогонят. Но до этого я прогоню тебя! Ты сегодня – майор, а я сделаю тебя лейтенантом, а то и вовсе дам пинка за служебное несоответствие. Ты понял?!

– Что же делать?

– Делать?! Раньше нужно было думать, а уж потом делать!

Плацекин стоял перед главой администрации, как оплеванный. Этому большому и потному человеку хотелось только одного – немедленно провалиться, пусть даже в преисподнюю.

– Ты зачинщиков беспорядков знаешь? – неожиданно спросил Огурец.

– Конечно, – мгновенно отозвался Плацекин.

– Немедленно арестуй их. Но так, чтобы ни одна душа не знала.

– А Дашка?

– Девчонку свою выпори и никуда из дому в течение пары недель не выпускай.

– Допустим, я их задержу, а дальше?

– Без никаких «допустим»! Задержишь, посадишь, и глаз с них не спускай. Держи до тех пор, пока я тебе не скамандую.

– А если у них в городе имеются сторонники. Всех ведь не посадишь.

– Что за глупые речи. Никто без них бузить не будет. Сам же знаешь. Короче, отправляйся и выполняй. Я тебе настоятельно советую шума не поднимать. Сделай все по-тихому.

Выйдя из кабинета главы администрации, Плацекин встал посреди приемной, тупо уставившись на секретаршу. Та тоже посмотрела на него с холодным интересом, однако не произнесла ни слова. Майор последний раз взглянул в рыбы глаза немолодой, расплывшейся блондинки, махнул рукой и поплелся выполнять приказание.

Что и говорить, ситуация сложилась почти трагическая. Во-первых, Плацекин ни разу в жизни не лупил дочь, да что там не лупил, пальцем не трогал. Нежный отец надыхаться не мог на свою Дашу. Любое ее желание являлось для него законом. Потребуй, например, Даша одолжить ей служебный «макаров», для того чтобы укокошить того же Огурца, Плацекин вручил бы дочери оружие, хотя, конечно, вначале попытался бы отговорить ее. Вот даже как! А теперь?.. Теперь ему приказали выпороть Дашу. Его солнышко! Выпороть собственными руками! Даже если Огурец выразился фигурально (в чем Плацекин очень сомневался), все равно Дашу придется изолировать. А у дочки был еще тот характерец, и майор уже предвидел грядущие безумные сцены. Но не только предстоящая экзекуция над Дашей волновала Плацекина. Ему вовсе не хотелось никого арестовывать. Он уже не раз пожалел, что послушал свою дурицу и задержал этого Александра Александровича, личность, что и говорить, весьма странную. Но кто мог предположить подобные последствия? Вообще, все произошедшее не укладывалось в голове. Жители городка, известные своей индифферентностью, вдруг ни с того ни с сего устремились на защиту этого джинсового малого, причем даже не горожанина, и вообще никому не известного. Допустим, на бунт их подбил Картошкин. Но кто такой этот самый Картошкин? Почему вдруг за ним пошел народ? Да никто! Совсем никто! Местный алкаш, и только. А про близнецов и говорить не стоит. Так – шушера. Нет, джинсовый малый совсем не прост. Теперь от него требуют задержать всю компанию. Что из этого может выйти, майор прекрасно представлял. Опять толпы на улицах, опять летящие камни... К тому же Плацекин был совсем не уверен в своих сотрудниках. Ему вдруг отчетливо представилась следующая картина. Здание милиции пылает, милиционеры, как потревоженные мыши, разбегаются кто куда, а сам он, из окна кабинета, призывает, призывает... Языки пламени подступают все ближе...

Плацекин сидел в своем кабинете, курил сигареты одну за другой и думал, думал... Для начала он хотел поговорить с Дашей, но домашний телефон молчал. Он набрал номер ее «мобильника». И тут тишина. Майор знал: дочь всегда носит «мобильник» при себе, значит, на дисплее высветился его номер, и Даша просто не желает с ним говорить. Так! Ладно!

Он вызвал дежурного.

– Куда они понесли этого?..

– К Картошкину на хату... э-э... в дом.

– Скажи адрес.

Перед жилищем Картошкина крутились человек пятнадцать-двадцать и вроде о чем-то спорили. Увидев милиционера, они нехотя расступились, однако глухо заворчали. Плацекин прорезал толпу, как нож масло, отворил калитку, подошел к входной двери и требовательно постучал. Ему тотчас открыли. На пороге стояла сухощавая тетка, скорее даже старуха с хмурым лицом. Майор вежливо поздоровался и поинтересовался: тут ли проживает Анатолий Картошкин? Его пригласили войти.

Как Плацекин и ожидал, в доме царила едва прикрытая нищета. В довольно просторной комнате, на два окна, на одной из стен висел коврик с ярчайшими розами, при виде которых немедленно начинали ныть зубы, стоял круглый стол на точеной ножке, перед ним четыре стула столь корявого фасона, какой нынче не сыщешь и в присутственных местах. Еще в комнате имелись древний диван с высокой, резной спинкой с полочкой и валиками по бокам, и черно-белый телевизор на металлической подставке, а под потолком висел розовый абажур. На подоконниках пышно цвела герань.

В комнате находились хорошо знакомые Михаилу Кузьмичу личности. При виде майора они не выразили никаких чувств, даже не пошевелились. Плацекин без разрешения уселся на единственный незанятый стул. На столе стояли тарелки с остатками нехитрого обеда: жареной картошкой и солеными огурцами, но стаканов и бутылок, к удивлению майора, не наблюдалось. Может, уже распили да убрали? На лицах присутствующих было написано полнейшее равнодушие.

– Ну что, допрыгались?! – произнес Плацекин с неопределенной угрозой.

Все молчали.

Тут Плацекин увидел на груди дочери висящий телефон и сказал уже совсем иным тоном:

– А я тебе звонил, звонил...

– Это мой папа, – сообщила Даша. – Он неплохой человек, только безвольный... – словно оправдываясь, продолжила она.

– Да знаем мы, – сказал сидевший напротив Толик.

От рекомендации дочери Плацекин опешил.

– Больной, – не глядя на майора, заметил джинсовый. Он расположился на диване и смотрел телевизор, по которому шли новости.

– Кто больной?! – взвился Плацекин.

– Я же вам уже говорил... По сути, предынфарктное состояние. Тромб вот-вот перекроет артерию, и тогда... – Джинсовый Шурик не сообщил, что произойдет «тогда», но все и так было понятно. Присутствующие сочувственно закивали.

– И ничего сделать нельзя? – поинтересовался Картошкин.

– Почему же нельзя. Все в наших руках.

Даша вдруг беззвучно заплакала. Крупные слезы текли по щекам и падали на старенькую скатерть.

– Не надо, Дашуня. – Плацекину вдруг вспомнилось: Даше семь лет. Они гуляют по загородному шоссе, и вдруг девочка видит на асфальте раздавленного котенка. Такие же тихие слезы полились тогда из детских глаз. – Не надо, – ласково повторил майор. – Он шутит.

– Ничего подобного. Какие тут шутки, – отозвался Шурик. – Еще месяца два-три... – Плацекину показалось: джинсовый назвал срок с особым вкусом.

– Так сделай же что-нибудь! – закричала девушка.

– Да сколько угодно.

– Хватит издеваться! – заорал майор.

– Зря вы так. – Джинсовый снисходительно улыбался. – Я правда могу помочь.

– Папочка, слушайся его!

Плацекину стало невыносимо тошно. Было совершенно очевидно: над ним и над его ненаглядным ребенком издевались самым паскудным образом. Он сжал кулаки, вскочил, отшвырнув стул, и хотел броситься на джинсового, но вопль дочери остановил его.

– Эй, полегче, – пробурчал Картошкин. – Чего ты тут выпендриваешься? Пришел по хорошему, так и веди себя...

– Пойдем, Дашунька, отсюда, – только и смог произнести Плацекин.

Ярость куда-то провалилась, уступив место мгновенно разлившейся по телу ледяной истоме. Он побледнел, лоб покрыли крупные капли пота, сердце затрепетало, словно подстреленный заяц.

– Уложите его на диван, – скомандовал Шурик. – Снимите пиджак, расстегните рубашку...

Плацекин закрыл глаза и почти впал в забытие, но сквозь беспамятство почувствовал, как груди его осторожно коснулись прохладные пальцы и начали как будто чертить некие знаки, потом на грудь легли ладони и принялись тихонько массировать тело. Неожиданно тяжесть и боль стали слабеть, а скоро и вообще исчезли. Дышать стало легко. Ледяная истома уступила место общей слабости, но вскоре и та отступила. Плацекин еще не верил. Ему казалось: боль ушла лишь на время, и стоит сделать движение, она вновь вернется, сожмет клещами грудь. Поэтому майор старался пока не двигаться. Наверное, нужно вызвать «Скорую», размышлял он, или позвонить супруге, чтобы та явилась и оказала первую помощь.

– Даша, – еле слышно произнес он. – Позвони маме, пускай приедет... Скажи: у папы сердечный приступ.

– Не нужно никому звонить, – сказал Шурик. – Вы уже здоровы. Можете подниматься...

Плацекин скосил глаза на джинсового, ожидая увидеть насмешку у него на лице. Но Шурик, похоже, вовсе не думал шутить. Он подал Плацекину руку, приглашая встать. Тот опасливо шевельнулся. Боли не чувствовалось. Тогда он сел на диван, прислушиваясь к работе организма. Как будто все в норме. Майор медленно поднялся и расправил плечи. И тут он почувствовал такую легкость, точно помолодел, как минимум, лет на двадцать. Не поверив своим ощущениям, Плацекин подпрыгнул на месте, потом присел, словно собирался пуститься вприсядку. Нигде ничего не екало, не дергало, даже не трещало. Это было в высшей степени странно.

«Неужели этот тип вылечил меня? – изумленно думал Плацекин. – Но как подобное может быть? Ведь он едва дотронулся».

Майор, наслышанный о разного рода целителях, излечивающих будто бы одним взглядом, ну, если не взглядом, так прикосновением, относился к подобным вещам скептически. Тем более его благоверная Людмила Петровна придерживалась того же мнения, справедливо считая, что врачевание должно быть подкреплено весом диплома. Но факт оставался фактом. И присутствующие, видимо, восприняли действия джинсового Шурика, как нечто само собой разумеющееся. Они улыбались, одобрительно покачивали головами, а Даша с визгом бросилась отцу на шею:

– Папочка, я же говорила!..

Ничего она ему не говорила. Но Плацекин и сам начинал потихоньку соображать. Этот человек, кем бы он там ни был, обладал чудесным даром. Теперь понятно, почему за ним идут. Он и сам бы пошел... А его приказано арестовать. Огурец – идиот! Да и он сам не лучше. Испугался, как последний... А что, собственно, Огурец может ему сделать? Ну, допустим, понизит в звании, ну, уволит... Но ведь жизнь на этом не закончится, а вот сердечный приступ может ее прервать. А если он умрет, какая разница, в каком звании... Да будь хоть генералом...

Эти бессвязные мысли носились в голове Плацекина, словно рой растревоженных пчел. И поглощенный ими, он не обращал внимания на разговор, завязавшийся между остальными присутствующими.

– Н-да, – с восхищением произнес Толик. – Действительно впечатляет!
– И «Скорой помощи» не нужно, – тем же тоном заметил один из близнецов, Славка. – Раз, и здоров! Ну ты, Шурик, даешь! Одного с того света вернул, другому туда же попасть не дал. Как это у тебя получается?

– Получается! – передразнил брата Валька. – Он тебе доктор, что ли?

– А кто же?

– Он – бог! – убежденно произнес Валька. – Только боги могут людей оживлять.

– Бога нет, – неуверенно сказал Славка.

– Как это нет, а церкви тогда зачем? В них кому молятся?

– Это другое, – веско произнес Толик. – Слепая вера! Вон, мамашу хоть взять... Сколько она поклонов отбила, сколько свечек ставила, чтобы меня от пьянства избавить, а результат нулевой. А вот Шурик, виноват, Александр Александрович, враз отвадил. Не пью нынче, и не тянет.

– И мы тоже, – в один голос подтвердили близнецы.

– Вот я и говорю, он – ну, может, и не бог, а... – Толик запнулся, подбирая подходящее слово.

– Чудотворец! – вернула Даша.

– Чудо-тво-рец? – нараспев произнес Толик, обкатывая слово на языке, словно кисло-сладкий леденец. – Да, наверное... И я в него верю.

– И мы... – поддержали остальные.

– Скажет: идем со мной. Пойду без оглядки. Скажет: прыгай в огонь – прыгну! Потому что знаю: не даст он пропасть. Вот это и есть истинная вера. А в церквях они молятся Христу. А где он – этот Христос? Почему людям не помогает? Да если бы и вправду существовал, разве бы допустил этот бардак?

– Погодите, ребята. Не горячитесь. Что вы тут заладили: бог, чудотворец... Я самый обычный. Не стоит преувеличивать. А касаясь Христа... Не нужно отрицать его благодать и заботу обо всех нас. Ведь почти каждый испытал в своей жизни чудесную помощь, только мы считаем такую помощь «счастливой случайностью» или по-иному как-то называем. Вы в таких случаях ищите Божьему промыслу какое-либо естественное объяснение. Что вы знаете о жизни? Что вы знаете о том, почему один из вас гибнет, другой продолжает жить? Чьими молитвами, или за какие грехи, свои, или наших отцов, или по назначенной нам свыше судьбе? Вот, к примеру, Картошкин? Ты говоришь: мать, мол, зря молилась, свечки ставила... Откуда ты знаешь, что зря?! Может, твое воскресение и есть результат ее молитв? Воскресение не только физическое, но и духовное. А этот бедолага... – Шурик указал на пребывающего в отупении майора. – Его чудесное спасение тоже результат чьих-то молитв. Возможно, вот его дочери.

– Но я никогда не молилась, – возразила Даша. – И в Бога я не верю.

– А во что ты веришь? – спросил Славка.

– В мировую революцию! Что б не было ни богатых, ни бедных...

– Свежо предание... – произнес Валька.

– Вся беда в том, – неожиданно изрек Шурик, – что те, кто претендует на роль пастырей, я говорю про священнослужителей, сами нуждаются в поводырях.

– Оно конечно... – неопределенно произнес Толик.

– Как понимать: нуждаются в поводырях? – неожиданно вмешалась в разговор мамаша Картошкина, доселе лишь напряженно слушавшая.

– Да очень просто. Как говорится: каков поп, таков и приход. Если пастырь сам не верит, как же он может наставлять свою паству?

– А откуда вы знаете: верит он или не верит?

– Так это очень легко выяснить.

– Как же?

– Ну... – Шурик замялся.

– Ага-ага, – ехидно засмеялась мамаша. – Сами толком не знаете, а туда же... Легко выяснить! Ну так пойдешь, выясни!

Не успела Дарья Петровна произнести эти слова, как тут же пожалела о том, что сказала. Она никоим образом не желала открыто проявлять свою неприязнь к Шурику, однако коли слово сорвалось с языка, то назад его не воротишь. Казалось бы, не имелось причины подозревать этого человека в чем-то плохом. Но вот не лежала у Картошкиной к нему душа... Не лежала, и все тут! Вот сейчас, на ее глазах, он помог милиционеру. Не дал ему умереть. Благое дело совершил. И все равно, сила Шурика представлялась ей какой-то нечистой. Бесовской, что ли... Хотя почему бесовской? Ничего черного он не творил. Исполнял только светлые дела.

– Выяснить очень просто, – сообщил Шурик. – Нужно только сходить в церковь и послушать священника. Как он служит. Вот и все.

– Так, может, сходим? – неуверенно предложил Толик Картошкин. – А то вот мамаша сомневается...

Джинсовый взглянул на тикающие на стене ходики, циферблат которых был выполнен в виде кошачьей мордочки. В такт движениям маятника кошачьи глазки двигались то туда, то сюда. Один глазок у кошки был облуплен, поэтому казалось: она непрерывно подмигивает.

– Десять доходит, – констатировал Шурик. – Вот и отлично. Сейчас мы все ляжем спать, а завтра раненько-раненько поднимемся и отправимся Богу молиться.

И словно по команде, все стали укладываться. Мамаша Картошкина притащила откуда-то плоские, как блины, ветхие матрасы, старые полушубки, сиротские одеяла и стала устраивать на полу лежище. И вот что странно, никто и не подумал отказаться от не особенно комфортабельного ночлега. А ведь Плацекины жили всего лишь в пятнадцати минутах ходьбы отсюда, и им ничего не стоило дойти до собственных кроватей. Да и близнецы, которые хотя и отличались спартанской непритязательностью, обычно в любом виде старались доползти до родной развалюхи.

За окном еще не совсем стемнело, а хозяева и гости погрузились в сладкие сны. Впрочем, сладкие ли? Вот, например, что снилось, майору Плацекину.

Будто шагает он по Красной площади, мимо Мавзолея, и притом совсем голый. И главное, нисколько не стесняется прохожих. А те на него – ноль внимания. Вроде так и надо. Потому как сами в таком же виде: голяком то есть. И мужики, и бабы. Причем личности все больше знакомые, а именно жители Верхнеоральска. Вон Огурец собственной персоной, а рядом его секретарша-блондинка, сиськами здоровенными трясет, а вон начальник ГАИ, капитан Зайцев с супругой, дамочкой весьма приятного обличья, но чуток кривоногой. И тут до Плацекина доходит: не Москва это вовсе, а родной его городок, только выглядит он, как Москва. Даже Кремль имеется. Кстати, весь народ именно в Кремль и топает. Проходит через Спасскую башню и растворяется где-то в глубинах правительственного замка. «Почему же все голые, – размышляет на ходу Плацекин. – Может, в баню направляются? Но вряд ли в Кремле имеются бани. Тогда куда они идут?» Направление движения масс, однако, выясняется довольно быстро. Народ стройными рядами шагает в самый большой в Верхнеоральске магазин – Вахромеевский пассаж. Но одновременно пассаж – Дворец съездов, весь стеклянный, как аквариум. Плацекин вошел внутрь и встал на эскалатор. Доехав до нужного этажа, проследовал к секции готового платья, отметив мимоходом, что и остальные двигаются в ту же сторону. Вот и примерочная. Никелированные стойки, плюшевые портьеры... У входа стоит джинсовый Шурик, облаченный на этот раз в яркий клоунский костюм. И рожа у него разрисована. Козлиная бородка трясется от хохота, намазанные глаза бегают в разные стороны. Он приветливо взмахивает руками, а потом приоткрывает портьеру, приглашая людей заходить

в примерочную. Вот только непонятно, что голым там делать? Возможно, им выдают новую одежду? Не затрудняя себя рассуждениями, Плацекин идет вместе с остальными, но чем ближе подходит к примерочной, тем жутче ему делается. Тем более когда клоун на мгновение отдергивает портьеру, то видно: там, внутри, непроглядная тьма. И другие, похоже, то же самое чувствуют, потому как лица у всех напряженные и даже перекошенные. Но вот остановиться не могут. Входят и входят во внутрь. И исчезают из виду. Плацекин думает: как же они все там умещаются? И тут клоун кланяется ему, распахивает портьеру, и Михаил Кузмич входит внутрь и внезапно проваливается неизвестно куда и летит во тьме все дальше и дальше. Сердце подскакивает к самому горлу. Он судорожно сглатывает... И тут – удар!

Плацекин открыл глаза и долго не мог понять: где же он находится? Лежит на чем-то жестком, непривычном... Даже спина затекла. Вокруг слышны сопение, храп, сиплое, простуженное дыхание. За печкой посвистывает сверчок. Пахнет немывтыми телами, чесноком и какой-то кислятиной.

Майор приподнялся на своем ложе, взглянул на светящийся циферблат «Ориента». Без четверти три. Захотелось курить. Он встал, в потемках нащупал висящий на стуле китель, достал из кармана пачку «Кэмела» и осторожно, стараясь ни на кого не наступить, направился к выходу. В сенях он споткнулся о пустое ведро, шепотом чертыхнулся и вышел на улицу.

Летняя ночь окутала майора непроглядным мраком, и он тотчас вспомнил свой сон и снова чертыхнулся. Пахло дождем, скошенной травой и навозом. Вокруг не видать ни единого огонька, словно домик Картошкиных стоял посреди дремучего леса. Где-то неподалеку уныло пищала сова-сплюшка. На небе сверкали россыпи холодных звезд.

Плацекин сел на стоявшую у забора скамейку, извлек из пачки сигарету, закурил. Странное ощущение посетило его. Майору вдруг показалось: нет вокруг ничего; ни домов, ни самого городка, да и сам он не сидит на скамье, а плывет, влекомый могучим потоком, но не воды, а чего-то другого, еще более неумолимого и беспощадного. Он взглянул на небеса. Звезды медленно двигались над его головой, выстраиваясь в какие-то неопределенные фигуры и тут же меняя свою конфигурацию. Ничего подобного ему доселе ощущать не приходилось. Может быть, лишь однажды, в детстве, когда он ездил с отцом на рыбалку, поймал на блесну трехкилограммовую щуку, а ночью лежал у костра в спальном мешке и не в силах уснуть таранился вот в такое же, усыпанное отборными звездами небо, и чудилось: он – центр мироздания, а вокруг медленно вращается вселенная.

Рядом послышалось приглушенное покашливание, и на скамью рядом с ним кто-то опустился.

– Это я. – Плацекин узнал голос Толика Картошкина. – Пришел вот... Не спится чего-то...

– Курить будешь? – спросил майор.

– Вообще-то я не очень чтобы, но за компанию можно.

Плацекин протянул Толику сигарету, щелкнул зажигалкой и в свете ее огонька увидел блестящие глаза.

– Выпил, что ли? – спросил он, чтобы только что-нибудь сказать.

– Да не пью я уже третий день, – с какой-то даже обидой отозвался Картошкин.

– Чего так?

– Сам не знаю... – Плацекин почувствовал, что Толик пожал плечами. – Как воскрес: ни грамма! Самому удивительно. Вообще, после этого я словно другим стал.

– В Бога, что ли, уверовал? – грубовато спросил Плацекин.

– Не знаю, даже... Может, и уверовал. Но как-то... По-своему, что ли. Ведь я не просто отрубился, а побывал там...

– Где там?

– На том свете, выходит. Где же еще... Вот уж не думал, что очутюсь на том свете еще до настоящей кончины. Летел по трубе и прилетел... И родню видел... Батю... Нечего, говорит, тебе тут пока делать. А с водкой прекращай!

– Думаешь, и вправду там побывал?

– На сто процентов, конечно, не уверен. Но все сходится.

– С чем сходится?

– Я, помнится, одну книжку читал. Американец написал. Некий Моуди. А книжка называется то ли «Жизнь после смерти», то ли «Жизнь после жизни» или как-то вроде того. Этот американец собирал свидетельства людей, переживших клиническую смерть. И представь: большинство их видело одно и то же. Длинный темный туннель, в конце которого ослепительный свет. Умерший несется по туннелю и попадает в иной мир, где встречается с ранее умершими. И у меня так-то было.

– Возможно, тебе все представилось именно потому, что ты эту книгу читал. Ты вроде как уже держал в мыслях нечто подобное, – предположил Плацекин.

– Может, и так, но маловероятно. Думаешь, когда я туда летел, об этой книжке вспомнил? Нет, брат, тут что-то другое.

– А как ты вообще умер?

– Вот и я об этом же думаю. С чего бы вдруг? Пили мы в скверике, ну, знаешь, где памятник этим красным бойцам порубленным стоит. И этот с нами... Шурик.

– Откуда он взялся?

– Близнецы привели. Вино мы пили...

– А кто покупал?

– Да он... Короче, выпили мы пару пузырей. Близнецы его еще на сотню раскрутили. Чтобы, значит, продолжить. А еще до этого мы с ним разговор завели. Про Марка Аврелия.

– Про кого?!

– Про Марка Аврелия. Был такой римский философ – стоик...

– С чего это вы вдруг философию вспомнили?

– Да кто его знает... Пьяный базар. Он мне стал объяснять суть учения стоиков. Я с ним заспорил. А потом... того.

– Умер?

– Ну да. И сразу же чудеса начались. Я как бы воспарил над этим сквериком. Сирень вижу, памятник... Шурика... И себя, лежащим на земле. – Толик замолчал, глубоко затянулся, отчего кончик сигареты вспыхнул ацетиленовым пламенем. – А потом только на кладбище очнулся. У своей могилы. Чуть живым не закопали. Он, Шурик то есть, и оживил. Так ребята и матушка рассказывали. А я такое событие пропустил!

– А он с вами тоже пил?

– Да вроде. Не помню я. Да какое это имеет значение? Ты, майор, по своей ментовской привычке, хочешь враз до всего докопаться. Пил, не пил... Тебя вон тоже, считай, с того света вернул. А ведь ты с ним не пил. Напротив, в кутузку его посадил. А он тебя, можно сказать, выручил. – Толик щелчком отшвырнул окурок, и тот огненной дугой прочертил тьму и упал, рассыпавшись тысячью искр.

– И то правда, – отозвался Плацекин. Ему вдруг стало стыдно за свою милицейскую любознательность.

– Пойдем-ка досыпать, – поднявшись, сказал Толик и потопал в дом.

Майору не хотелось уходить. Ночь была уж очень хороша, и на душе впервые за долгое время так спокойно и умиротворенно, что хотелось как можно дольше сохранять это настроение. Плацекин никак не мог объяснить самому себе причину подобного настроения. Ведь к нему вплотную подступили неприятности, и, похоже, весьма крупные. По службе... Хотя черт с ней, с этой службой... И семейные... Ну, и пусть – он жив, здоров, и этого вполне достаточно.

А там будь что будет. Майор вновь закурил. Спать не хотелось. Он, оцепенев, сидел на скамейке и наслаждался новым для себя ощущением свободы.

Народ начал неторопливо пробуждаться довольно поздно. Давным-давно пропели третьи петухи. Рачительные хозяйки выпроводили свою скотинку в общее стадо, которое пастух, звонко щелкая кнутом, повел за город. Предчувствуя дальнейшие события, у дома Картошкиных появились первые охотники до зрелищ. Но пока что ничего существенного не происходило.

– Мать, жрать давай! – заорал Толик, едва открыл глаза. После того как он бросил пить, Картошкин стал поразительно много есть, чем умилял мамашу. В обычное время Толик едва притрагивался к хотя и не отличающейся разнообразием, но довольно вкусно приготовленной еде, в основном жареной картошке с соленой капустой или с огурцами.

– Все будет, вначале умойтесь, – ответствовала Картошкина.

Когда каждый, в соответствии со своими воззрениями на чистоту, привел себя в порядок, всех пригласили к столу. И хотя народу в доме значительно прибавилось, еды хватило на всех. Круглый стол пришлось раздвинуть, но и тогда он не смог вместить всего, что предлагалось на завтрак. Традиционная жареная картошка, само собой, присутствовала, но кроме нее на столе стояла масленка со свежайшим маслом, лежало десятка два вареных яиц, на тарелках имелись колбаса трех видов, ветчина и сыр, красная рыба, а в двух вазочках поблескивала красная и черная икра. На большом блюде навалом лежали бананы, апельсины, виноград и даже торчала колючая шишка ананаса.

– Кому чай, кому кофе? – возгласила мамаша.

– Откуда подобное великолепие?! – изумился Толик.

– Все он, – Картошкина указала на джинсового. – С утра, пока вы спали, куда-то ушел, а вернулся на машине. Шофер и выгрузил все это добро. Так что, пожалуйста к завтраку.

Присутствующие благоговейно воззрились на благодетеля, а тот вел себя, словно в этом изобилии не было ничего необычного.

– Чего глаза таращите? – с едва уловимой насмешкой спросил он. – Садитесь и ешьте. Кто хочет долго жить, должен хорошо питаться.

– Отродясь икры не ели, – заметил Славка, сооружая гигантский бутерброд из обеих разновидностей.

– Не ели, – подтвердил Валька. – А сейчас едим. Прогресс!

– А почему ты думаешь, что я хочу жить долго? – спросил Толик.

– Которые уже один раз умирали, после воскрешения обычно живут порядочно, – опередив нового кумира, сообщила Даша.

Шурик подтвердил эту мысль кивком.

Плацекин молчал, да в принципе и не мог ничего сказать, поскольку методично жевал хлеб с маслом и вареное яйцо. Однако изобилие стола потрясло и его. Хотя при наличии денег ничего в этом особенного не было. Вот только имелась во всем действе некая нарочитость, словно Шурик пытался продемонстрировать свои возможности. Вот только кому и для чего? Неужто этим маргиналам, ничего в жизни не едавшим вкуснее жареной картошки? Или ему, Плацекину? Но опять же, с какой целью? А возможно, ничего он демонстрировать не собирался. Просто есть деньги – вот и гуляет. Широкая, так сказать, натура. Для него не имеет значения – перед кем шиковать. Привычное состояние души.

Занятый своими мыслями, Плацекин не заметил, что Шурик едва заметно кивнул ему, словно прочитав мысли.

Примерно через полчаса завтрак закончился. Присутствующие наелись и напились до отвала. Они в свободных позах развалились на допотопных стульях, отчего те угрожающе потрескивали.

– Хорошо, – сыто рыгнув, заметил Славка. – Хаванина что надо!

– Напоролись от пуза, – поддакнул Валька, лениво пережевывая кусочек сыра. – Сроду так много не ел. Теперь опять на сон потянуло.

– Поэтому нужно прогуляться, – подсказал Шурик.

– Куда это? – Славке было явно лень двигаться.

– Да в церковь мы как будто собирались... Вот туда и направим стопы.

– Богу, что ли, молиться? – недоуменно произнес Славка. – Но зачем? Я лично ни в какого Бога не верю. А ты, Валька?

Братец неопределенно пожал плечами. Его телодвижения Славка счел за отрицание Творца, поэтому стал развивать свою мысль.

– В Бога кто сейчас верит? Старухи только. По привычке. – Он выразительно посмотрел на мамашу Картошкину. – Делать им нечего, вот по церквям и шляются. А что эта вера может им дать? – Славка с многозначительным видом развел руками. – Ничегошеньки! Молись не молись – дольше отпущенного не проживешь.

– Точно! – подтвердил Валька.

– Может, в тебе божественного больше, чем в ином святом, – заявил Славка, обращаясь к джинсовому. – Взял и оживил человека. Или вон этому, – он кивнул в сторону Плацекина, – помог. Рукой дотронулся, и он очухался. Вот это, я понимаю, чудесная сила.

– Богохульник ты! – с неожиданным для нее гневом произнесла мамаша.

– Да хоть горшком назови, только в печь не ставь, – захохотал Славка. – Вот на кого молиться нужно, – он указал на Шурика, – а не на эти картинки. – Новый жест в сторону висевших в красном углу икон.

– Кончай антирелигиозную агитацию! – вступился за мамашу Картошкин. – Да и вообще. Что ты в Боге понимаешь?!

– Может, ты понимаешь?!

– Да уж понимаю. Побольше твоего! Говоришь: Бога нет. А если есть?!

– Ты его видел?!

– Не видел, а осязал.

– Это как же?!

– Рассказывал уже...

– Это когда ты помер?

– Ну!

– И по трубе летал... – Славка хмыкнул.

– Ты вроде не веришь? – угрожающе произнес Картошкин.

– Хватит препираться, – Шурик лениво одернул готовых вцепиться друг в друга приятелей. – Встали и за мной!

Все поднялись, но выходить из дома никто не спешил. Даже Даша мешкала. Она нашла в углу свой серпасто-молоткастый флаг, развернула его и стала изучать, хорошо ли он прикреплен к деревку.

«А ну их... – подумал Плацекин. – С кем я связался! Придурки какие-то... Одно слово: маргиналы». Словно пелена спала с его глаз. Он увидел себя в убогом домишке, среди таких же убогих людишек. Вчерашний спаситель, с его постоянной полуулыбкой, длинными сальными волосами и жиденькой бородкой, сильно смахивал на душевнобольного. В другое время он бы и разговаривать с ним не стал, а если и стал, то как солдат с вошью. К ногтю – и привет семье. И чего, скажите на милость, он сюда приперся? И что уж вовсе странно, ночь здесь провел. Благоверная супруга, наверное, трубку телефонную оборвала. Мужа нет, дочери нет... Что, собственно, происходит? Плацекин помнил: он пришел сюда, чтобы разобраться: с кем имеет дело. Разобрался! С придурками! Короче, нужно забирать Дашку отсюда. Тут Плацекин вспомнил свой сон. Заходишь в примерочную и проваливаешься в преисподнюю. А этот шут

гороховый (так он обозначил Шурика) только ухмыляется. Нет, Людка, видимо, была права, определив в нем сумасшедшего.

Тут Шурик повернулся и взглянул на майора, будто кипятком ошпарил. И настроение Плацекина мгновенно изменилось. Ему вдруг захотелось встать по стойке «смирно» и преданно есть Александра Александровича взглядом. А ведь как будто ничего не произошло. И улыбка на лице по-прежнему неопределенная, и карие глаза смотрят все так же без выражения. Вот только мороз бежит по коже майора. Мороз восторга и собачьей преданности. И другие, похоже, чувствуют то же самое. Вон как восторженно засопели близнецы. И тихо охнула Даша. Не по-детски охнула. Уж больно чувственно. Насторожиться бы отцу. Схватить дочурку под мышку и бежать отсюда без оглядки. Но нет, нет!.. Воля майора вновь оказалась парализованной.

Джинсовый и его приспешники вышли из дому и столпились возле порога. Ярко светило солнце. Жидкая зелень палисадника казалась тропическим раем. Того и гляди, из зарослей полыни и чертополоха высунется морда ягуара, а на ветку яблони-дички вспорхнет попугай. Но попугая не наблюдалось. Лишь длиннохвостая сойка взлетела на конек крыши, горячо и сбивчиво застрекотав, как видно, приветствуя выход чудотворца и свиты. И праздная толпа, собравшаяся возле дома, так же невнятно загомонила. Раздались даже жиденькие хлопки. Джинсовый малый приветственно поднял руку, и аплодисменты усилились. Даша начала неистово махать своим стягом.

– Оставь пока тут, – негромко произнес Шурик в ее сторону, и девушка поспешно занесла знамя обратно в дом.

Они стояли, словно в нерешительности. Шурик – чуть поодаль, как бы отстраняясь от своих спутников, а те выстроились в подобие шеренги и с обожанием взирали на него, ожидая дальнейших приказаний. Следом за гостями из дома выскользнула мамаша Картошкина, но держалась она в стороне, словно не желая смешиваться со свитой.

Все молчали. Наконец Шурик промолвил:

– Где храм божий? Показывайте дорогу.

Близнецы вышли вперед и встали по обеим сторонам процессии, которая медленно потекла, как бы определяя габариты движения и одновременно являясь «указующими перстами». Во главе шел джинсовый, за ним двигались Картошкин и Даша, а замыкал группу майор. На некотором расстоянии от группы широко ступала мамаша, а уж за ней шли зеваки. Минут через пятнадцать процессия вышла на улицу, ведущую к храму. Золотые купола церкви ярко горели на солнце, из распахнутых дверей доносилось тихое пение. Благодать, казалось, разлилась по окрестностям, словно молочный кисель. Наконец процессия приблизилась к каменным ступенькам, ведущим в церковь. Первым по ним взошел Шурик, за ним следовали остальные.

Плацекин отродясь не бывал в церкви. Лишь в смутных воспоминаниях мелькало нечто неясное, темное с позолотой, пронизанное колеблющимися огоньками, связанное со смутными детскими страхами и тревожными мыслями о смерти. Теперь же он уверенно и бездумно поднялся по ступеням вместе с остальными. Сзади напирала сопровождавшая их толпа. К плечу майора оказалась притиснутой седенькая головка мамашы, повязанная темным платочком.

В церкви шла служба. Отец Владимир, крупный красивый мужчина средних лет с волнистой черной бородой и выпуклыми глазами того же цвета, только что закончил читать проповедь и теперь размахивал кадилом перед иконой Спасителя, стоявшей с правой стороны иконостаса, скороговоркой повторяя: «Помилуй нас, Боже». Пятеро детей, три девочки и два мальчика, составлявшие хор, стоя на клиросе, тоненькими голосами запели «Господе воззвах».

Народу в храме оказалось не особенно много. Присутствовали в основном, как справедливо указывал Славка, пожилые женщины. Молодежи не было вовсе, и, может, поэтому лицо отца Владимира и его голос выражали равнодушные к происходящему.

Вошедшие остановились возле входа, словно не решаясь проходить дальше, но те, кто шел за ними, давили им в спины и невольно подталкивали вперед. Кроме того, толкавшиеся зеваки начали шуметь, не понимая, почему в дверях возникла пробка. Шум привлек внимание молящихся. Некоторые стали оборачиваться, совсем не обращая внимания на манипуляции отца Владимира с кадилом.

Поп тоже заметил, что смотрят вовсе не на него, а совсем в другую сторону, к тому же те, кто вновь прибыл, и вовсе мешают вести службу. Он прекратил махать кадилом и строгим голосом воскликнул:

– Почему в Божьем храме шум?! Что там за толпа в дверях?

Некоторое время все молчали. Потом Толик Картошкин довольно развязным тоном пояснил:

– Пришли вот посмотреть...

– Тут не музей и не дом культуры, а святое место, – так же строго заметил отец Владимир.

– А вы – управитель сего святого места, насколько я понимаю? – спросил Шурик, выступив вперед.

– Вне всякого сомнения, – насмешливо произнес отец Владимир. – Скорее даже не управитель, поскольку Господь у нас один, а его пастырь.

– Пастух другими словами?

– Вот-вот.

– А сей пастух умеет ли управлять своим стадом? Вести его в нужном направлении, другими словами?

Отец Владимир пренебрежительно взглянул на того, кто задавал столь странные вопросы. Дискутировать ему не хотелось, да и было бы с кем. Перед попом стоял, по виду, какой-то пьянчуга. Он был незнаком отцу Владимиру, но, поскольку рядом с ним пребывали довольно известные личности, в первую очередь Анатолий Картошкин, сомневаться в его наклонностях не приходилось. Алкаш, одним словом! И ведь набрался смелости и задает провокационные вопросы!

– Веду, как умею, – решил отшутиться отец Владимир.

– Ответ «как умею» в данном случае неуместен. Особого умения тут не нужно. Главное – верить. Вот вы верите ли в Господа?

Отец Владимир не счел нужным отвечать. Он лишь пренебрежительно взглянул на того, кто пытался дискредитировать его в глазах прихожан. Перед ним стоял мужчина, что называется, не первой свежести, по виду похожий на престарелого хиппи. Длинные волосы сосульками свисают к плечам, жидкая, козлиная борода словно приклеена к подбордк. На худом лице играет неопределенная улыбка. Глаза... Вот глаза у типа смотрели странно. Взгляд нельзя назвать твердым, строгим или хотя бы уверенным. Он скорее ускользающий, неопределенный, однако пронизывающий до самых глубин души.

– Ибо сказано в Писании: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»⁴. – На этот раз странный человек обращался не к отцу Владимиру, а к присутствующим в церкви прихожанам.

– Это я-то лжепророк?! – вскинулся поп, чье самолюбие было задето.

– Вновь сошлюсь на Писание: «Не всякий, говорящий Мне «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного»⁵.

«Эге, – в некотором смятении подумал отец Владимир, – а парнишка-то не прост. Цитатами так и сыпет. Кто он таков, черт побери? Может, из епархии с ревизией пожаловал? Дошли до архиерея какие-нибудь слухи, а еще вернее, кляузы, вот и послал с проверкой. Но почему

---

⁴ Евангелие от Матфея (7.15).

⁵ Матф (7.21).

он в мирском одеянии? И ведет себя весьма странно. Прилюдно диспут устраивает... Ладно. Если он желает диспута, то пускай его получит!»

– Сказано апостолом Павлом: «Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления»⁶.

– Да я никого и не обольщаю, – отозвался человек в джинсовом костюме. – Я просто пытаюсь выяснить: тверды ли вы в вере?

– Интересно, каким же образом вы хотите в этом удостовериться?

– Например: явите чудо.

Отец Владимир от души рассмеялся. Ему все стало понятно. Первое впечатление оказалось верным. Никакой это не проверяющий, а обыкновенный алкоголик, нахватавшийся вер-хушек, как многие в наше время. Какой же ревизор будет во всеуслышание толковать о чуде-сах. Отсмеявшись, батюшка громко и проникновенно возгласил:

– Молодой человек, я отнюдь не чудотворец, а служитель культа. Чудеса, видите ли, не входят в мои обязанности.

– Но если вы по-настоящему верите, а не втираете нам очки, то уж одно самое маленькое чудо соорудить сможете, – не отставал человек в джинсовом костюме. – Ведь вера, как вы знаете, горами движет.

«Наглеца нужно осадить, – решил отец Владимир. – А то вон прихожане уже резвиться начинают».

Действительно, некоторых молящихся, из тех, кто помоложе, обуяло нездоровое веселье, отнюдь не уместное в храме. Они озирались то на вновь прибывших, то на батюшку, улыба-лись и вообще скалили зубы. Чувствовалось: дискуссия занимает их куда больше, чем служба. Певшие на клиросе ребяташки веселились вовсю: толкались, возились, шмыгали носами.

– Знаете что, – сказал отец Владимир со всей строгостью, на которую только был спо-собен. – Давайте прекратим наш спор. Вы мне мешаете! Прошу вас удалиться! В противном случае, я вызову милицию. – Тут поп узрел за спиной у джинсового малого майора Плацекина и вновь неприятно удивился. Только он хотел звать правоохранительные органы, а они тут как тут. Что бы это могло значить?

– А вот я могу чудеса творить, – неожиданно вмешался в разговор Картошкин. Народ в церкви захихикал.

«Теперь и этот!..» – отец Владимир еле сдерживался.

– Ну, давай демонстрируй... – он хотел добавить «придурок», но в последний момент удержался.

Толик подошел к иконе святого Пантелеймона, перед которой теплилось несколько све-чек. Он встал перед иконой, упер в нее взор и обхватил голову руками.

Смешки прекратились. В церкви воцарилась напряженная тишина. Сама атмосфера, казалось, сгустилась и стала осязаемой. Слышно было, как потрескивают фитили свечей. Неожиданно одна свечка заколебалась, потом оторвалась от аналоя и поднялась в воздух. Она повисла над головой Толика. Синий огонек трепетал в потоке воздуха, но не гас.

Громкий выдох десятков ртов стал ответом этому явлению.

Свеча висела между отцом Владимиром и Картошкиным безо всякой опоры.

Поп, вытаращив глаза, взирал то на свечу, то на Картошкина, не в силах вымолвить ни слова.

– Фокус, – наконец еле слышно произнес он, однако человек в джинсовом костюме рас-слышал.

– А сейчас тоже фокус?! – громко спросил он и взмахнул руками.

---

⁶ Послание к Ефесеянам (5.6).

Остальные свечи тоже взмыли в воздух и висели где-то под куполом, мерцая словно звездочки.

– Тоже, – произнес отец Владимир, хотя и с некоторым сомнением. – Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

– Вполне исчерпывающее объяснение, – хмыкнул человек в джинсовом костюме. – Ну хорошо... Тогда завершим наше выступление еще одним фокусом. Последним. – И он вновь сделал тот же жест.

Вначале как будто ничего не произошло, но очень скоро отец Владимир длинно и тоненько завизжал, как молочный поросенок-несмышлениш. Внимание публики переключилось на него, и тут все увидели: поп уже не стоит у алтаря, а медленно поднимается в воздух. Вначале он оторвался от пола всего на несколько сантиметров, но с каждой минутой возносился все выше и выше. Присутствующие в церкви, несмотря на полумрак, отчетливо видели, как поп судорожно болтает торчащими из-под рясы ногами, обутыми в модные кроссовки «Reebok».

Чем выше поднимался отец Владимир, тем все более мелодичные звуки он издавал. Если вначале они напоминали поросятчий визг, то постепенно перешли в подобие птичьего щебета, даже скорее орлиного клекота. При этом физиономия отца Владимира потеряла всякое осмысленное выражение. Глаза вылезли из орбит и блуждали как у безумного, полные щеки тряслись... Наконец поп вознесся метра на три и остановился. Присутствующие, вытаращив глаза, благоговейно взирали на болтавшегося в воздухе. Отец Владимир словно плавал в невесомости. Вокруг его головы порхали зажженные свечи, образуя нимб. Ряса развевалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.